

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ LE XX^e SIECLE ET LA PAIX ■

В НОМЕРЕ:

ЧТО МЫ ПОТЕРЯЛИ И ЧЕГО МЫ ИЩЕМ?

Ученые и литераторы о нынешнем этапе
в истории страны

РЕЧЬ И НАСИЛИЕ

О роли языка в комплексе наших национальных
проблем

И ТЫСЯЧУ ЛЕТ СПУСТЯ...

Культурная стезя христианского Востока

ISSN 0320 8001

8/88



В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Мир — дело общее

**Г. ЛОКШИН. НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ НАРОДНОЙ
ДИПЛОМАТИИ**

10

Проблемы и суждения

**К. КОУТС. ВСЕМИРНАЯ АССАМБЛЕЯ: СТАРАЯ
ИДЕЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ**

13

Беседы в редакции

ЧТО МЫ ПОТЕРЯЛИ И ЧЕГО МЫ ИЩЕМ?

20

Письмо в редакцию

Г. ГУСЕЙНОВ. РЕЧЬ И НАСИЛИЕ

36

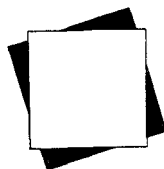
Эссе

В. МИКУШЕВИЧ. ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

42

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

***Евреи в СССР: выбор места и выбор судьбы.
«Почему мы не уезжаем?»: аргументы
молодых советских психологов.***



«Уважаемая редакция...»

Экология культуры, тревога по поводу нравственных искривлений в воспитании, поиск новых партнеров для сотрудничества Восток — Запад, размышления о роли армии при социализме, новое мышление в борьбе за мир, предложение обратить внимание на перестройку в спецслужбах... Вопросы — очень конкретные и очень общие, инициативы — порой чересчур далеко идущие и не всегда достаточно компетентно обоснованные. Но отрадны эти разнообразие, чистосердечная забота о всеобщем благе, раскованность мысли. Такова наша почта. Остается только пожелать, что слишком много писем остается — из-за нехватки места — «за бортом».

Оборона древней крепости

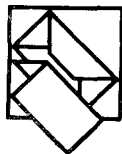
Я руководитель экологической организации из крымского города Алушта. Это город моего детства, он вошел в мою плоть и кровь образами разогретых на солнце красных черепичных крыш, узеньких, мощных булыжником улочек, широкими многокилометровыми пляжами, криком чаек, брызгами соленой воды на разгоряченном лице, развалинами средневековой крепости, туманным колышущимся морем, стоящим в бездонном небе. Он подарил мне ощущение свободы и безграничного, какого-то космического счастья, когда ты — один на один со вселенной, летишь в ней и творишь свою собственную жизнь.

Эти образы крымской природы, эти наполовину интуитивные ощущения свободы и счастья стали теперь уже по-настоящему моими, выстраданными понятиями. Я знаю, что прекрасно, а что — безобразно.

Я почувствовал вкус свободы. Мое восприятие мира неотделимо от образов и ощущений детства. Став взрослым, я, хочу того или нет, поверю ими события последней четверти нашего беспокойного века. К тому же, я стал литератором...

Я стал литератором, и неожиданно обнаружил общность моего понимания прекрасного, вышедшего из образов моего детства, с пониманием прекрасного Пушкиным, с его пониманием свободы и счастья. Родной мой город вполне можно считать местом второго рождения нашего величайшего гуманиста. И это при том, что Пушкин в Алуште никогда не был! Не был, но — проплывал у ее берегов в состоянии величайшей депрессии, находясь в ссылке, в юном двадцатилетнем возрасте серьезно подумывая о самоубийстве. И — четыре месяца не даря миру стихов.

Но свежесть раннего летнего утра,



неповторимые пейзажи Крыма, развалины средневекового Алутона (давшего городу свое имя) были для поэта как взрыв, как призыв к творчеству. Он пишет элегию «Погасло дневное светило...». И столь мощно звучат в ней свободололюбивые аккорды, столько мольбы и страсти вкладывает он в строки о «безумной любви» прежних лет, что невольно проникаешься уважением и благоговением к родным мне «берегам Тавриды», ставшими родными и для Пушкина. И поэтому — имеющими отныне **общечеловеческую** ценность.

Создавая в Алуште «Зеленый мир», мы исходили из предпосылки, что сохранение пушкинских пейзажей, пушкинского понимания прекрасного, его понимания свободы — это противодействие силам эрозии, разрушающим единую систему общечеловеческих ценностей. Пушкинский пейзаж в Алуште венчают, являясь его кульминацией, развалины средневековой крепости Алустон. Неожиданно оказалось, что район, в котором находится крепость, странным (и одновременно чудесным!) образом упоминается в «Слове о полку Игореве», в этом величайшем, наряду с наследием Пушкина, нашим национальным достоянием, гениальном произведении древнерусской литературы.

Мы стали защитниками Алутона, и, одновременно, — защитниками **всего** человечества. Здесь, на данном конкретном посту, сдерживая натиск врага. И неожиданно наша чисто экологическая (ведь есть и экология памяти!) борьба стала борьбой политической. Мы стали борцами за мир. Создание алуштинского «Зеленого мира» совпало с волной демократизации и гласности, прокатившейся по нашей стране.

А что Алустон? Алустон продан ведомственной организации из Новосибирска, которая будет на его территории строить ведомственную здравницу. На первом этаже седые

крепостные стены, а выше — спальные корпуса... И даже название придумано: «здравница-музей»! Пушкин, соединенный с ванной комнатой...

Константинопольский историк Прокопий Кесарийский в трактате «О постройках» упоминает и Алустон, воздвигнутый в VI веке нашей эры по приказанию византийского императора Юстиниана I. Прохожу мимо 16-ти метровой сохранившейся башни, и другой — поменьше. Вот свежий раскоп, и в нем — трехметровая византийская стена. Простоявшая под землей полторы тысячи лет вопреки всем катаклизмам. Сохранившаяся бы там даже после катаклизма последнего, но не выдержавшая натиска современной науки в лице улыбчивого бородатого крепыша, руководящего здесь раскопками.

«Копашешь?» — «Копаяю». — «А потом?» — «А потом все заруют и будут копать траншеи». — «Как, прямо по этой стене, по этим храмам VI—X веков, по древнему некрополю?» — «Да». — «А не жалко?» — «Чего жалеть? Прикажут — я раскопаю. Прикажут — закопаю опять».

Копаящий на Алустане улыбчивый бородатый крепыш, классифицировав около трех тысяч находок, уничтожил около двадцати процентов территории крепости, прокопав культурный слой до самого дна. Сколько таких крепостей на лике нашей Земли, в мирное время уничтоженных на двадцать процентов? Суммировав эти (пока что материальные) потери, мы получаем двадцать процентов разбомбленной нами исторической территории планеты. И что там локальный Чернобыль перед этой масштабной самобомбежкой? Бомбежкой **самооправданной**. А ведь ей предшествует бомбежка нравственного, отличающего нас от зверя начала. Эрозия человеческого в человечестве зашла слишком далеко. Мне видятся два (осуществляемых обязательно одновременно) пути из кризиса. Первый: убийцы каждого ре-

гионального Алустона объявляются преступниками, посягнувшими на интересы **всего** человечества. Второй путь — немедленное заdraивание дыр в обшивке нашего космического корабля.

Земля — наш общий космический лайнер. Двадцать процентов его обшивки **уже** пробито «метеоритами» невежества. Все — на заdraивание этих пробоин! «Зеленый мир» Алушты объявляет проект «Вавилон—II». Разрушенные стены Алустона должны быть восстановлены многими (говорящими на двенадцати языках!) разумными представителями человечества. И пусть достроят они стены

до положенной высоты, и не рухнут они вниз под тяжестью нашего разобщения.

Антиядерный императив, логически вытекающий из Чернобыля, сейчас уже недостаточен. Необходимо мышление настолько глобальное, чтобы объединило оно любые региональные Вавилоны в единый, воистину космический Вавилон — могучий звездный лайнер. А человечество, ставшее теперь экипажем, — вперед, к неоткрытым звездным материкам!

Кстати, космос по определению — организация абсолютно штатская.

Сергей МОГИЛЕВЦЕВ,
г. Алушта.

Невозделанная почва

В воспоминаниях людей, переживших годы сталинского террора, детские годы которых прошли в условиях, не достойных человека, порой слышится и некоторая ностальгия по тем временам: мол, несмотря на все жили они весело: пели, танцевали, влюблялись и т. д. и т. п. И некоторые даже дают подходящее объяснение этому феномену — победить могла некая жизненная сила, свойственная нашему человеку, так вот и растение пробивается к солнцу сквозь камни, асфальт и другие препятствия. И не знаем: радоваться или печалиться этому обстоятельству. И вообще, достойно ли человеку радоваться, будучи в рабском состоянии.

А аналогия с растением довольно плодотворна. Какие растения самые жизнестойкие, пробивные и т. д. и т. п.? Именно сорняки. Структура их, если можно так выразиться, замкнута сама по себе, единственная их цель — выживание, и ей отдаются все соки, вся сила, вся энергия, все приспособление. Чтобы защитить свою жизнь от других, они становятся ядовитыми, покрываются шипами и колючками. И дай им жизненное пространство, они сразу завоюют все доступные им экологические ниши.

Конечно, это не вина их, а беда. На запущенной земле может расти только чертополох. Только «культуренная» земля способна рожать полезные, вкусные плоды, нежные, ароматные цветы.

Я отнюдь не человеконенавистник, но надо смотреть правде в глаза. На протяжении столетий из нас выращивали именно чертополох, заставляя нас существовать в нечеловеческих условиях.

Народ, живущий плохо (имеется в виду условия существования), не может быть хорошим (имеется в виду нравственность). И если среди нас, слава богу, есть немало достойных людей, то они появились не вследствие условий, а вопреки им.

И поэтому, на мой взгляд, основная задача перестройки, наряду с достижением экономического прогресса, так сказать, подготовка почвы, культурное и нравственное воспитание народа. Это, конечно, длительный и не сразу дающий эффект процесс, но без него нам не выйти из тупика, из деградации. Вслед за экономической и политической революциями, должна начаться, и как можно скорей, революция культурная.

В. СТЕПАНОВ,
г. Тамбов.

Ищу контакты

Я просто не мог не написать это письмо, после того как по материалам газеты «Московские новости» и прежде всего из немецко-язычного издания журнала «Век XX и мир» я начинаю понимать, что в действительности означают гласность и перестройка. И прежде всего после чтения Вашего № 2/88 и отчета о «круглом столе» я понял, что дружба с Советским Союзом не может, не должна означать не критичное отношение (оно было обычным в прошлом); размышления в Советском Союзе об ошибках и преступлениях прошлого, об отрицательных последствиях сталинской эры, а также дискуссия о новых путях и возможностях для будущего — все это означает, что социализм в СССР снова становится привлекательной альтернативой.

Я считаю, что реальная оценка событий быстрее всего помогает разработать реалистические перспективы, а для этого надо оценить ситуацию бескомпромиссно и правильно. Социализму необходимо альтернативное будущее с тем чтобы мобилизовать массы, в том числе и в несоциалистических странах. В конце концов все это служит избавлению от «образа врага» и приближает нас к представлению о «мирной Европе как общем доме». Положи-

тельное будущее для всех стран, в том числе для СССР и ФРГ, возможно только, если удастся обеспечить мир и сделать его необратимым.

Высказываю такое пожелание. Мой родной город Брауншвейг и город Казань в СССР — города-побратимы. Миролюбивые силы в нашем городе (к ним причисляю и себя) хотели бы наладить контакт с предприятиями, школами, студенческими клубами или иными организациями и учреждениями, поскольку мы хотели бы ближе узнать друг друга. У нас уже есть такие связи с другими городами-побратимами — Бат в Великобритании и Ним во Франции, налаживаются они и с нашим новым городом-побратимом Магдебургом в ГДР. Мы надеемся на это письмо в вашем журнале и просим помочь нам.

Манфред КАЙС,
доверенное лицо профсоюза «ИГ
Металль» в Зальцгиттер, член Центра
мира в г. Брауншвейге,
член земельного правления и пред-
седатель окружного отделения Не-
мецкого союза мира

Мой адрес:

MANFRED KAYS
Ilmweg 26
3300 Braunschweig
Bundesrepublik Deutschland

Социализм и армия

Второй год выписываю ваш журнал и не раскaiваюсь: от номера к номеру он становится все интереснее и наступательнее, находясь среди лидеров борьбы за обновление. Главным считаю вот что: наконец-то и наши борцы за мир осмелились обратить внимание на идеологию и политику отечественных военных.

По-моему, воздействие военного механизма на духовную и политическую жизнь социалистического обще-

ства до сих пор не оценено по-настоящему. Ведь армия по органической своей природе — это прежде всего дисциплина, нивелирующая все и вся. В каком же контрасте находятся объективно обусловленные принципы армейской жизни и принципы (подлинного) социализма; потому-то, наверное, и отстаивал ранний марксизм идею уничтожения армии и всякой военщины, замены ее всеобщим вооружением народа. Да и последую-

щее развитие событий не смогло зачеркнуть эту очевидную мысль, что **армия при социализме есть вынужденное зло**, поэтому и отношение к ней должно быть соответственное.

Выскажу и вовсе крамольную мысль: в идеале советские военные не должны любить свою работу, хотя оно так и проще, и легче, но не менее патологично, чем любовь тюремщика или судьи к преступности — нет, они должны смотреть на нее отстраненно, и простите, может быть, даже и ненавидеть.

Обстановка армейской жизни неизбежно ежесекундно и ежечасно порождает какие-то элементы военщи-

ны, милитаризма — да, да, нашего «социалистического» милитаризма и нашей «социалистической» военщины! А с этим одними закливаниями защитникам мира не справиться. Вот почему так важно, чтобы Министерство обороны и весь наш доморощенный, якобы не ВПК (военно-промышленный комплекс), оказались под гласным конституционным контролем Советов народных депутатов во главе с разбуженным Верховным Советом СССР.

А. ИЛЬИН,
аспирант Ленинградского государственного университета.

Простить, значит — обновиться

Я сторонник мира. Всегда им был. Учился в массовой школе. Нахожусь в вопросе сохранения мира в полном единстве с правительством СССР, которое приняло закон об уголовной ответственности своих граждан за пропаганду войны. В общем — средний гражданин, продукт массовой пропаганды.

Кто же это — средний сторонник мира? Я не желаю войны моего государства с завоевательными целями, не желаю установления социального строя СССР в других государствах вооруженной силой, не желаю решения международных конфликтов с помощью ядерного оружия. Но если поставить передо мной дилемму: Армагеддон либо капитуляция Родины — да погибнет мир!..

Президент США как-то раз указал: тоталитарные Япония, Италия, Германия капитулировали перед демократиями — и сегодня самостоятельны и процветают, пройдя демократическую конверсию. Но принцип русский со времен битвы на Куликовом поле — лучше смерть, чем капитуляция, даже если это смерть всей Земли. Вот такой я, обыкновенный сторонник мира. Но можно подумать о конверсии СССР нашими силами, и пусть США проводят у себя конверсию своими

силами. Цели и задачи при этом у нас будут разными, а Земля останется жить. Поэтому из **сторонника** мира я хотел бы вырасти до **борца за мирную альтернативу**, при которой был бы снят вопрос: Армагеддон или капитуляция.

Манифест Рассела-Эйнштейна указал на необходимость нового мышления в ядерный век: либо выработать новое мышление, либо исчезнуть вместе с биосферой. Старое мышление несовместимо с ядерным веком. А из чего вырастает «новое» мышление? Да из старого же! Больше неоткуда. Новое мышление должно дать новую стратегию для разделенного мира и включить в себя старое мышление и старую стратегию, как составную часть новой истины, убедив сторонников старого мышления соображениями, привычными и понятными для них.

Логика развития конгломерата держав на Земле вела к преобладанию одной державы над всеми остальными. Появление ядерного оружия зафиксировало две сверхдержавы и ядерный пат: два ядерных гиганта держат друг друга за горло. Пат они же и оплачивают. Никакое другое положение не устраивает Европу и Японию. Всякая попытка изменить

положение двух сверхдержав не приветствуется. Как расцепить эту смертельную схватку?

Стратегия нового мышления выдвигает на эти десятилетия три постулата:

а) необходимость сохранения обеих сверхдержав;

б) равная безопасность для сверхдержав;

в) взаимная стабилизация сверхдержав.

Последнее для нас, в частности, означает такую демократизацию, при которой СССР не развалился бы на национальные составляющие. Это в интересах сохранения Земли. Тот, кто саботирует прогресс на базе компромисса — по разным причинам, часто неосознанно, — тот приближает Армагеддон. Наше бездействие — преступление перед миром. Делать необдуманно и привести к взрыву — тоже преступление. Процесс продуманный, взвешанный — ради жизни

на Земле — вот в чем долг граждан СССР. Это процесс должен вестись партией Ленина — единственной авторитетной силой нашего общества. Всякая попытка изменить это положение, из самых лучших побуждений, приведет к катастрофе не только СССР, но и конгломерат государств на Земле.

Ведь и прежде все начинания задумывались как путь к Государству Солнца, а проводились так, что теперь и вспомнить страшно. Государство разума Руссо — и гильотина якобинцев. Великая Германия — и Освенцим. Великий вождь Сталин — и стройки коммунизма, возглавляемые Берия. Квинтэссенция крестьянской идеологии у красных кхмеров — и террор Пол Пота. Сейчас, когда от подобных опытов биосфера Земли может и костей не собрать, лучше твердо предвидеть свойство наших лучших намерений превращаться, с нашей же помощью, в свою противоположность.

Когда-то перед первой мировой войной царский министр Дурново прислал Николаю II служебную записку. В ней он предостерегал царя от участия в войне — еще только надвигающейся. «При ослаблении государства на сцену выйдет простой человек. Ему чужды политические права. Его интересуют земля, заводы, имущество состоятельных. Партии, вызвавшие бурю, будут ею же сметены. Удержится та, которая пообещает все это простому человеку. Ведь простой русский человек не видит разницы между чиновником правительства и интеллигентом партии».

Таков приблизительный пересказ рассуждения Дурново. Но если даже царский министр понимал, что всегда есть неизвестная составляющая — народ, то прогнозировать поведение масс в век ядерной бомбы, будто аудитории столичных интеллигентов — опасное безумие. Для стабилизации начатого партией процесса реформ следует решать, как быть с «феноменом Сталина». По-моему, — **понять, простить и взять каждому на себя ответственность за прошлое.** Но та-



Одна из работ с выставки скульптуры малой формы, состоявшейся в Варшаве. Автор — кубинский художник Аугустин БРАК-АЛЬМЕДА.

кое предложение в двух словах не объяснишь...

Сам я школьное воспитание получил при Сталине, и до самой его смерти жил в Государстве Солнца. Маршал Берия — в то время мой идол. В Сталине воплощалась высшая социальная справедливость для всего мира. А вокруг нас продолжалось строительство Утопии наяву, величественные стройки коммунизма. Ленин вызывал у меня в эти годы тайное удивление: он был близорук, не распознал врагов — Троцкого, Бухарина, Радека... А Сталин и его верные соратники, в частности, Берия — спасли нас, очистив страну от изменников. Но вот умер Сталин, и вскоре правительство Маленкова сообщает в центральной прессе об уничтожении моего любимца: «Обнаглев и распоясавшись, презренный враг народа Берия Л. П...» Агент британской разведки! Член национального подполья партии «Мусават!» И в голове школьника, воспитанника железной революции, Государство Солнца перекоилось и зашаталось. А там XX съезд, доклад Хрущева — и Государство Солнца рухнуло навсегда. Кто же вел нас к вершинам коммунизма с 1923—24 годов?

Ответ на этот вопрос потребовал изучения истории России, Французской революции, Англо-саксонского мира... Многократное возвращение к Чернышевскому, наконец Достоевский, его «Бесы», Нечаев. Изучал потрясения в Польше, Венгрии, Чехословакии. «Красные бригады» и группа Баадер-Майнхофф. Эксперимент Пол Пота — и Фанон, и благородный Гевара. Попутно узнал много нового и о прежнем любимце Берии. И вот суть моего миротворческого предложения: простим себе и партии эпоху Сталина, возьмем на себя ответственность за это прошлое и поддержим КПСС в ее действиях сегодня. Будем стремиться к консолидации соотечественников, находящихся на разной степени понимания прошлого и настоящего.

Понимание и прощение включает анализ, уточнение прошлого, покаяние — кто к чему более скло-

нен. Это не амнистия тем, кто «методы «классовой борьбы» обрушил сперва на товарищей по партии, потом на те или иные группы, затем на целые народы.

Простим прошлое — самим себе. Станем, наконец, гражданами, социумом граждан и возьмем ответственность за прошлое — на себя. А как иначе? Ведь сотрудничество с партией на повороте от Армагеддона к миру — это принятие всего, ее и нашего общего прошлого. Ее и нашего неумения поставить барьеры грядущим несчастьям. Ставить такие барьеры с помощью гласности и определенных законов внутрипартийной жизни предстоит еще учиться и научиться. Нужно еще осознать, что мы получили черно-белое воспитание: правильно — неправильно, наше — не наше. Ленин мыслил по-другому. Зная все темное, сосуществуя с ним, двигаться вперед, к нужной цели, не принимая этого темного, твердо зная, какова его сила в нас — и где путь освобождения от этой силы.

Кстати, СОИ — последняя характерная уловка черно-белого мышления: не капитулировать, не погибнуть в Армагеддоне, остаться самим собою, ничего не изменив ни в себе, ни в окружающем мире. СОИ снимает необходимость доверия к «врагу» — внешнему или внутреннему.

Сложной борьбы со старыми стереотипами, приливов и отливов в нарождающемся доверии между гражданами и странами впереди сколько угодно. Ведь жизнь рядом с Бомбой для людей даром не проходит. Они загоняют испуг внутрь, стараются забыть, жить, как ни в чем не бывало, — а человеческое от них уходит и уходит. Вечная жизнь под прессом ожидания Армагеддона просто невозможна. Возможна длинная, сложная учеба жизни без Бомбы, и для начала научимся прощать других за то, что они **другие**. В дороге выяснится, чему еще нужно нам учиться, что еще нам нужно простить.

В. ИВАНОВ,
г. Одесса.

Тсс...

Я хочу рассказать вам и вашим читателям Главную Государственную Тайну Советского Союза. Она заключается в том, что у нас нет тайн перед всем остальным миром. Мы голые перед ним, как андерсеновский король. Вся система охраны наших тайн охраняет их от нас самих. От кого, к примеру, охраняет нас таможенник, отбирая у граждан СССР при въезде в свою страну крупномасштабные карты местности и планы городов СССР, купленные в любом крупном картографическом магазине Запада? От кого охраняются до сих пор не разрешаемые к ввозу книги советских писателей, изданные за рубежом?

А режим пограничных областей? До каких пор наши пограничники будут охранять, по словам М. М. Жванецкого, от нас весь остальной мир?

А засекречивание мест расположения и профиля оборонных предприятий, притом, что разведкам Запада все это давно известно и их публичные издания печатают фотографии первых полетов наших новых сверхсекретных самолетов (после чего сами эти журналы у нас засекречиваются)? Почему американцы аж до начала разработок и исследований военного назначения публично обсуждают их размещение по фирмам? Печатают фотографии и характеристики военных изделий, не боясь допустить утечку военной информации? Видимо, ясно понимают, что секрет не в том, что сделать, а в том, как — вот и продают всему миру «ноу хау», технологию. Наша же секретность мо-

жет обеспечить только одну цель — скрыть наше отставание в каких-то областях.

С этим непосредственно связан и вопрос о режимных ограничениях на поездки за границу — как будто наш человек, оказавшись там, тут же побежит искать, кому продать (за недостаточностью суточных) наши военные секреты! А что мешает ему это сделать здесь — благо, иностранцев полно и за каждым не уследишь!

А непрекращающаяся возня вокруг архивов и закона о них!

Словом, аппарат охраны государственных тайн и его основа — КГБ СССР — созданные и принявшие незыблемые формы в предшествующие 60 лет, когда их главной задачей была охрана «социализма» (читай: интересов партийно-административно-бюрократического аппарата) от людей, его строящих, то есть нас всех (за исключением означенного класса), продолжает без видимых изменений выполнять эту функцию и поныне, несмотря на изменившиеся ориентиры развития общества.

Я предлагаю, чтобы Верховный Совет СССР заслушал «компетентные органы» на предмет анализа перестройки их работы. (В сенате США, если не ошибаюсь, работает постоянная комиссия контроля над спецслужбами).

Мир в XX веке не может более допустить, чтобы его контролировали спецслужбы. Он должен поставить их под свой контроль.

В. КОРЕЦКИЙ,
г. Москва.

НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ



Десять дней — с 23 мая по 3 июня — настежь были распахнуты входные ворота в просторный и уютный двор Советского комитета защиты мира. Громко, словно в Первомай, звучала из репродукторов музыка. Яркими мазками на фоне зелени выделялись разноцветные шатры, под которыми развернулась «Ярмарка мира». Часами не отрывались от окон работники расположенного по другую сторону проспекта Дома моды. Еще бы! Сменяя друг друга, на сооруженной в центре двора эстраде, выступали лучшие коллективы из примкнувшей к СКЗМ ассоциации «Музыканты за мир».

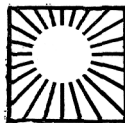
Что же происходило в эти дни во дворе СКЗМ, да и в самом здании? Формально можно сказать языком газетной информации: в Советском комитете защиты мира был развернут Международный общественный информационный центр по наблюдению за советско-американской встречей на высшем уровне. А по сути это был нестандартный творческий эксперимент, крутая смена устоявшихся форм работы, поиск современной, оптимальной модели деятельно-

сти, лишенной привычного налета казенщины и скуки. В эти дни Комитет действительно стал центром «народной дипломатии», где не заключались соглашения и не подписывались протоколы, зато звучал смех, царил искренняя, неподдельная радость общения.

В центре внимания были события самой встречи в верхах. Ни на час не выключался установленный в зале широкоформатный телевизионный монитор, на котором можно было наблюдать пресс-конференции, встречи, церемонии подписания и т. д. В нескольких местах фойе стояли другие телевизоры с видеоаппаратурой, на которых демонстрировались документальные и художественные фильмы. Демонстрировались новые кинофильмы и в большом зале. Широкое использование всего этого аудио-визуального арсенала не было самоцелью,

Эпизоды тех дней в мае — июне. Во дворе СКЗМ расцвел настоящий фестиваль. На верхнем снимке: гость из США, певец и комик Шарад Ла Шарпейт.

Фото Бориса Корвина.



но создавало непривычный пока еще для нас колорит, как бы напоминало о времени стремительных перемен и революционных взрывов в обществе, технике, науке.

А рядом в аудиториях шли непрерывные дискуссии. И не было запретных тем. Программа Центра была исключительно насыщена встречами с различными группами американских и других зарубежных гостей. Вместе с известными советскими учеными, публицистами, музыкантами они горячо и заинтересованно обсуждали проблемы нашей перестройки, расширения гласности и демократии, искали пути борьбы за безядерный и ненасильственный мир.

С постоянной нагрузкой работали в пресс-клубе корреспонденты советских, да и многих зарубежных газет и телевизионных компаний. Пресс-конференции сменяли индивидуальные беседы — благо интересных и знающих людей в эти дни в комитете побывало столько, сколько в иные времена не увидеть и за год.

В холле СКЗМ были развернуты сразу три выставки: традиционная для таких случаев выставка детского рисунка, а рядом можно было познакомиться с работами американского и советского фотомастеров, представивших нам выразительные портреты советских людей, увиденных американцами, и зарисовки из жизни простых американцев, которые удалось запечатлеть советскому мастеру.

Красочно оформленный стенд пригласил

всех желающих оставить «автограф мира», то есть выразить свое пожелание участникам встречи в верхах или просто поделиться мыслями о войне и мире. Давайте перелистаем эти полотна ватмана, исписанные детскими и взрос-



лыми руками, на всевозможных языках.

— Мир спасут красота, добро и дружба,— перефразирует Ф. Достоевского гр-н Х. Дамба из города Горького.

— Единственное решение — Любовь, Доверие,— считают ученики 20-й школы из Москвы.

— Строить ноосферу! — призывает неразборчиво подписавшийся американский поклонник нашего великого мыслителя В. Вернадского.

— Уничтожить всякое оружие на всей планете,— предлагают ученица 3-го класса Катя Рюхина и ее бабушка В. Ильина.

— Все оружие в металлолом! — взывает опять неразборчивая подпись на одном из европейских языков.

— Ядерное разоружение невозможно без интернационализации культуры. Миру нужен эсперанто,— категорически считает преподаватель пединститута Н. Михайленко.

Так без перерыва продолжалась переключка в форме своеобразных настенных дацзыбао. Одни листы сменяли другие. На смену индивидуалам шли послания отдельных коллективов.

И все-таки центральными событиями были не те, что проходили в залах, а то, что происходило прямо во дворе, спонтанно, без всякого «сценария». Ярким стал первый митинг открытия с участием делегаций от более ста различных организаций и движений, направившихся на Круиз мира по Днепру. В разгар митинга во двор вбежал японский юноша Х. Нагано с эскортом советских

спортсменов. Он доставил в Москву факел, зажженный от Вечного огня в Хиросиме. Отныне лампада с огнем Хиросимы навсегда установлена в холле Комитета на фоне развернутой фотопанорамы, сделанной известным японским мастером буквально на следующий день после бомбардировки.

Взволнованно прошла встреча советских и американских ветеранов Встречи на Эльбе. Весь день 1 июня не смолкали в нашем Доме мира и в саду детские голоса. Это был День защиты детей. И наша ассоциация «Мир—детям мира!» подготовила исключительно интересную и трогательную программу. А вечер советских и американских участников неформального движения «Глобальная семья» с угощением, которое любовно приготовили советские хозяйки, с участием известных артистов и музыкантов затянулся далеко за полночь. И это был редкий момент подлинно человеческого, душевного общения простых людей,— наших и американцев.

И так прошли все эти десять дней. Подлинным апофеозом их стала встреча в Свердловском зале Кремля М. С. Горбачева с представителями советской и зарубежной общественности. Выступая на этой встрече, многие гости Москвы выражали признательность Советскому комитету защиты мира, который сумел, по их словам, провести в эти дни в Москве как бы параллельную «встречу на высшем уровне народной дипломатии».

Григорий ЛОКШИН



Всемирная ассамблея:

старый идеал

Кен КОУТС,
генеральный директор
Фонда имени Бертрана Рассела

В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Единственной в мире организацией универсального характера является сегодня Организация Объединенных Наций, созданная совместными усилиями пятидесяти одного государства в 1945 году и насчитывающая сейчас 159 государств-членов.

Однако Генеральная Ассамблея ООН состоит из дипломатов, представляющих свои государства, причем каждый из них обладает одним голосом, независимо от того, скольких людей он реально представляет, то есть каково население его страны. В первые годы существования ООН неоднократно высказывались предложения о создании органа типа Палаты Представителей ООН с прямым выбором ее членов. Совершенно очевидно, что подобные предложения плохо согласовывались с принципом национального суверенитета, который, в соответствии с Уставом, являлся одним из основополагающих принципов организации ООН. В Уставе отмечается, во-первых, что все члены ООН пользуются «равными суверенными правами...», и более того, прямо указывается, что Устав исключает возможность вмешательства ООН в вопросы, которые являются внутренним делом любого государства.

...В 1953 году два американских юриста, Гренвилль Кларк и Льюис Б. Джон, представители Гарвардской юридиче-

ской школы, опубликовали проект документа «К миру через разоружение и пересмотр Устава ООН». Они подробно рассматривают возможное решение проблемы состава ассамблеи.

Любое государство — член ООН имеет право выставить одного представителя от каждых пяти миллионов своих избирателей. Одно государство не может выставить более тридцати представителей. Государства с населением менее двух с половиной миллионов человек выдвигают представителя с совещательным голосом.

По мере изменения численности населения можно внести изменения представительства, но в целом число представителей не должно превышать четырехсот.

Высказывались и другие предложения о создании органа, состоящего из двух палат, то есть сохранение существующей сегодня Генеральной Ассамблеи и создание еще наряду с ней Народной Ассамблеи. Эти предложения исходили от Всемирных федералистов и организации Парламентарии за всемирное правительство. В Университете Чикаго было высказано предложение создать континентальные коллегии выборщиков, которые назначали бы членов всемирного парламента. Обсуждение этих предложений велось в течение нескольких послевоенных десятилетий.

С развитием «холодной войны» распространением ядерного оружия — как горизонтально (до некоторой степени), так и вертикально (очень значительно), а также с укреплением системы блоков постепенно угасли надежды на прямое народное представительство в надгосударственном законодательном органе.

Взрыв первой термоядерной бомбы вызвал рост озабоченности положением дел во всем мире и явился прямой причиной возникновения — вслед за призывом Рассела — Эйнштейна — во-первых, Пагуошского движения ученых, а позднее — новых массовых движений за ядерное разоружение. В этой связи Рассел в двух своих работах вернулся к старой идее всемирного правительства. Он выступил за всемирный законодательный орган, который единственный обладал бы правом регистрировать и утверждать договоры и пересматривать их, если они вступают в противоречие с международным правом.

Этот орган должен обладать правом запрещать «откровенно националистические системы воспитания», если будут основания полагать, что они представляют угрозу миру. При нем будет существовать исполнительный орган, имеющий в своем распоряжении вооруженные силы, на которые у него будет полная монополия. Законодательный наднациональный орган передаст международным правовым организациям те же полномочия, «какими в суверенных государствах обладают национальные судьи».

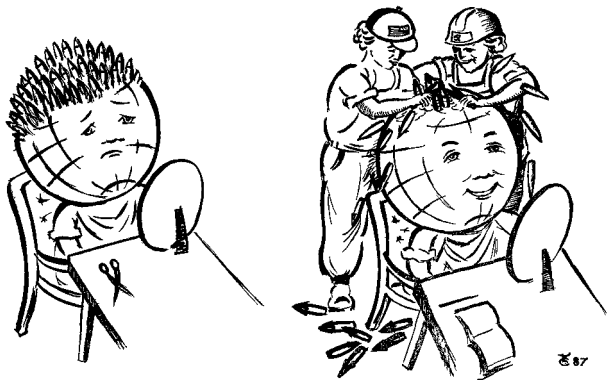
В раннем эссе на эту же тему Рассел выступал за постепенное укрепление наднациональной власти.

Справедливости ради следует отметить, что эти предложения Рассела имели несравненно меньший общественный резонанс, чем любое из его предупреждений о возможной ядерной катастрофе, сделанных в то же время и даже в тех же работах. Вопрос о реформе ООН никогда не снимался с повестки дня политических обсуждений, но нельзя не признать, что он никогда всерьез и не вызывал большого интереса у широких слоев общественности.

Несмотря на это, международная интеграция развивалась, и развивалась очень быстро, хотя и другим путем. Национально-освободительное движение продолжало набирать силу, несмотря на прямую агрессию европейских держав и прямые, и косвенные подрывные действия ЦРУ. Движение неприсоединения стало признанной в мире силой. Это не могло не отразиться на членстве ООН.

Начиная с этого десятилетия, Организация Объединенных Наций объединила практически все страны мира. Она начала принимать решения, которые зачастую не устраивали наиболее мощные из мировых держав.

Параллельно с этим шли значительные изменения в политической и экономической сферах. Всегда существовали возражения против отказа от национальной независимости и создания любого наднационального органа, но никогда прежде эти вопросы не продумы-



Э 87

вадись так тщательно. Некоторые возражения отражали частные интересы, но к самым серьезным это все-таки не относится. Серьезную озабоченность у многих вызывало осознание того факта, что завоевание демократии происходило всегда только на национальном уровне. Демократическая власть в послевоенном мире всегда была национальной властью, поэтому понятие суверенитета связывается не только с национальными интересами, но и с универсальной политической моделью, особенно популярной среди трудящихся слоев населения и среди наиболее прогрессивных политических партий.

Демократия развивалась в экономически наиболее развитых странах, принявших кейнсианскую модель экономического развития, в рамках которой процветали национальные системы управления экономикой, регулирования и спроса, полной занятости и сильных, хотя и зависимых, профсоюзов.

В подобных странах создавался консенсус экономического благополучия и политического равновесия. Но этот экономический порядок явился идеальной почвой и для роста транснациональных корпораций, подчинявших себе все большую долю мирового производства и торговли, в конечном итоге они получили вполне реальную возможность положить конец попыткам национальных правительств влиять на экономическую деятельность.

Короче говоря, национальные демократии столкнулись с противодействием международных экономических организаций, полностью вышедших из-под их контроля. Мир транснациональных корпораций оставил позади эпоху Кейнса и поставил национальные правительства перед суровым выбором, который нельзя было сделать, не нарушив послевоенного демократического баланса. Те же экономические процессы еще острее проявились в молодых освободившихся государствах, в результате чего идея нового экономического порядка получила всеобщую поддержку.

Но, несмотря на широкое представительство, ООН оказалась бессильной в какой бы то ни было форме ответить на вызов, который бросала миру новая политико-экономическая ситуация. Те

ее органы, которые, в силу своего статуса, оказались непосредственно вовлеченными в происходящие процессы, сами стали объектами суровой критики и нападок. В Соединенных Штатах пресловутый Фонд наследия (Heritage Foundation), известный особым цинизмом своих действий, потратил огромные суммы денег на кампанию, направленные против ЮНЕСКО и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), а также с готовностью финансировал любые подрывные действия против ООН. Американцы и некоторые их прихлебатели вышли из ЮНЕСКО. Сначала Франция, а затем и американцы решили игнорировать решения Международного суда, а затем и прямо им воспротивились.

Можно сказать, что чем шире становилось представительство в ООН, тем меньше внимания обращало на эту организацию правительство Соединенных Штатов в своей внешней политике. В 1985 году такое положение дел было осуждено в документах Социалтерна.

«В послевоенные годы для многих государств Соединенные Штаты олицетворяли мощь и право, моральный авторитет правительства США был завоеван благодаря Новому курсу (Ф. Д. Рузвельта) и (послевоенной) программе ленд-лиза, борьбе против фашизма, поставкам по плану Маршалла и созданию Организации Объединенных Наций.

Сегодня многие страны ассоциируют Соединенные Штаты с вьетнамской войной, вторжением на Гренаду, поддержкой режима Пиночета в Чили, наглым грабежом молодых государств под видом экономической помощи и распространением в мире ядерного оружия.

В течение последних семи лет Соединенные Штаты не приняли ни одного предложения, которое позволяло бы продвигнуться вперед на переговорах Север—Юг, будь то предложения по созданию Общего фонда, Конвенция по морскому праву или очередное обсуждение глобальных проблем.

В последнее время они не только отказались от членства в ЮНЕСКО, но и проигнорировали решения Международного суда в отношении положения в Центральной Америке, отказались пла-

тить хотя бы минимальные взносы в фонды Международного агентства развития и попытались де-факто свести на нет всяческую деятельность Международного фонда помощи развитию.

Недавно США публично заявили, что переходят «к более жесткой и далеко идущей политике в отношении развивающихся стран и отказываются от своей прежней покровительственной позиции», что они больше не собираются «потакать радикальным несерьезным элементам в международных организациях, принимая их предложения в качестве основы для переговоров», и что в некоторых случаях они будут отказываться от переговоров, а возможно, вообще не будут вести переговоры. Вероятно, США и их сторонники правы в том, что необходимо внести улучшения и в характер переговоров Север—Юг и в их содержание. Но одно дело требовать усовершенствования механизма переговоров, а другое — грозить отказом от участия в переговорах, которые еще даже не начинались.

В результате Соединенные Штаты не только отказываются участвовать в программах помощи развивающимся странам, в реформе ряда институтов или перераспределении средств в пользу беднейших государств, но и все чаще пытаются помешать деятельности любых международных организаций, кроме тех, которые были созданы на их условиях и для проведения их политики.

Международное сообщество не могло не заметить всего этого.

1987 год стал для ООН годом, отмеченным первыми робкими попытками продвинуться вперед на пути к ядерному разоружению. Но как ни велика воля народов к миру, нельзя не признать, что помехой на этом пути служит не только оружие, но в первую очередь те условия, в которых становится возможным его накопление и применение.

Каковы же эти условия? Мир охвачен долговым кризисом, и целые группы стран оказываются в ситуации, когда их инвестиционный потенциал на годы вперед должен быть выплачен за долги. Структурные проблемы со всей остротой встают перед странами с наиболее «передовой» экономикой даже в годы относительного подъема. Более

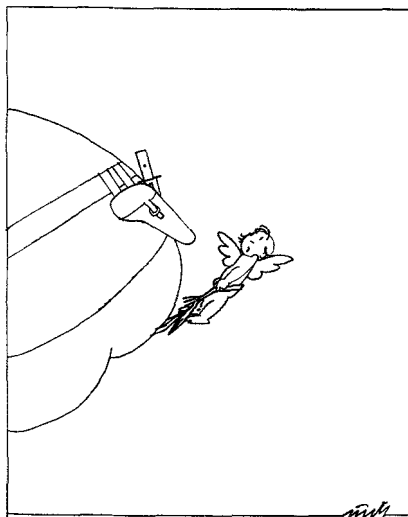
двадцати миллионов человек в Европе не имеют работы. Достижение полной занятости отнюдь не считается вопросом первоочередной важности правительствами тех стран, где положение особенно тяжело.

Если Соединенные Штаты претворят в жизнь свой план сбалансировать бюджет, как это было объявлено, уровень безработицы в Европе опять достигнет порядка двадцати четырех миллионов. Для Юга же последствия этого плана будут просто катастрофическими.

Развитие Юга и оздоровление экономики Севера, безусловно требуют новых форм международного сотрудничества, в котором немалую роль могли бы сыграть ООН и ее органы.

Но приходится все же признать, что кризис оздоровления и развития остигается кризисом национальных государств, национальных демократий и национального суверенитета.

Безработные Испании и Нидерландов хотят получить работу именно в Испании и Нидерландах, их не волнует ка-



кой-то абстрактный подъем в заоблачных высях. Развитие кризиса завело сегодня в тупик все политические процессы не потому, что государства слишком независимы, а потому, что они недостаточно независимы. Причем, это не ООН ущемила национальный суверенитет — он был фактически сведен на нет неподконтрольными действиями частного капитала.

Мы живем в суровом мире, и совершенно очевидно, что демократия не может вдруг перепрыгнуть через границы. Демократия накрепко связана с государствами, в которых она приняла свою специфическую форму. Она должна обеспечить защиту своего государства и удержать контроль. Сейчас еще не приходится надеяться на то, что все демократические силы мира заключат союз и потребуют вернуть им права решать вопросы, зашедшие сегодня в тупик.

Но тем не менее международное сотрудничество, совместные усилия государств и международных организаций

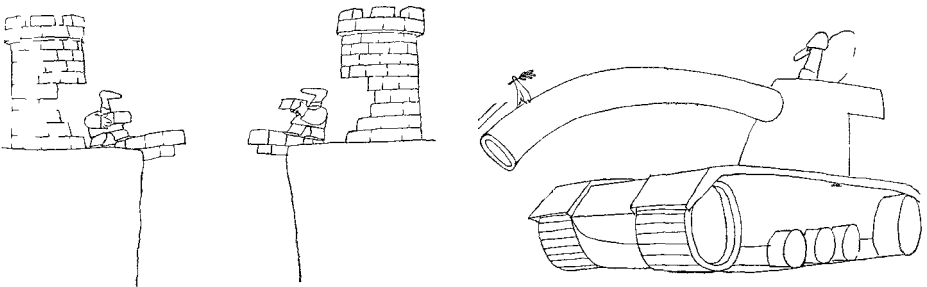
все больше и больше становятся непременным условием любого успеха в борьбе с неограниченным процессом растущей концентрации международного капитала.

Такое сотрудничество организовать непросто, и, видимо, оно будет формироваться постепенно, причем особенно сложным будет начальный этап. И поскольку дальнейшая судьба ООН будет определяться ходом развития этого процесса, мы должны отдавать себе отчет в двух противоречащих друг другу императивах:

во-первых, следует укреплять национальную независимость и автономию как оптимальные на сегодня условия для развития демократии,

во-вторых, рост удельного веса транснациональных корпораций в мировой экономике и тяжелые последствия развивающегося на этом фоне кризиса требуют согласованных ответственных мер, которые международное сообщество должно принять в рамках демократических процедур.

Рисунки: Тодор ДИНОВ, Болгария (стр. 16), Лен Мунник, Нидерланды



Конечно, это противоречие только кажущееся, и первое условие прямо связано со вторым. Национальные интересы и развитие демократии во Французской Полинезии или в Никарагуа, например, будут надежно защищены, если сделать решения Международного суда обязательными. Более того, связь просматривается и в обратном направлении, так как сопротивление держав, которые будут признаны Международным судом виновными, заставит их принять участие в действиях, которые в конечном итоге окажутся выгодными и для них самих.

Из всего сказанного выше может сложиться впечатление, что не пришло еще время претворять в жизнь идеи Рассела... Государства не захотят отказаться от тех остатков самостоятельности и права на решения, которыми они еще обладают, при всей их эфемерности в условиях враждебного экономического окружения. Напротив, скорее всего они будут стремиться на международной арене укрепить свой суверенитет и свое влияние и вдохнуть жизнь в демократические механизмы, в первую очередь для того, чтобы справиться с кризисом в своих странах.

Но международный форум — это слишком ценное завоевание человечества, чтобы можно было просто отмахнуться от возможности его использования. Сейчас как никогда существует необходимость прямого народного представительства в ООН, нужно лишь суметь правильно, то есть на должном уровне, организовать его, подойдя к решению этого вопроса со всем реализмом и ограничившись только теми мерами, которые могут быть полезны на данном этапе.

Что мы имеем в виду? Ответ очевиден: мировое общественное мнение признает, что в своей нынешней форме ООН оказывает слабое воздействие на развитие мировых событий. Можно мобилизовать мировую общественность на активные действия в конкретных областях: протест против апартеида, борьбу с голодом и т. д., но все движения, ставящие своей целью решение подобных проблем, возникают обычно спонтанно, и пока они не становятся действительно массовыми и влиятельными,

ООН не имеет к ним прямого отношения. При этом во многих случаях даже самые информированные группы давления в отдельных странах не могут объединиться в единый международный фронт для того, чтобы более эффективно решать серьезные проблемы.

Народная консультативная ассамблея при ООН могла бы помочь объединить все эти группы, даже не обладая никакими законодательными правами. Во-первых, потому, что если бы выборы подобной ассамблеи состоялись и каждые шесть миллионов взрослого населения планеты выдвинули бы своего депутата, это означало бы, что в ходе невиданной избирательной кампании были бы обсуждены все ключевые вопросы мирового развития. Политические партии не упустили бы случая обнародовать свои разногласия по этим вопросам и многое тайное стало бы явным. Глобальные проблемы оказались бы в центре внимания прессы и телевидения, пусть ненадолго, но этот короткий период оказал бы огромное влияние на весь ход нашей жизни. Во-вторых, национальные демократические силы очень быстро определили бы, кто может быть для них наиболее подходящим партнером на мировой арене. Связи установятся быстро и в результате обдуманного выбора, а не случайно, на основании ограниченной информации или дезинформации. В-третьих, привычные представления о национальных интересах придется пересмотреть с точки зрения их соответствия требованиям внутренней и внешней безопасности. В-четвертых, при всей своей ограниченности эта ассамблея станет центром притяжения для многочисленных лобби-групп, трибуной для бесчисленных неправительственных организаций. И наконец, подняв престиж ООН в глазах народов, мы дадим должный отпор всем национальным группам давления, ведущим против нее подрывную деятельность.

Конечно, будучи учрежденным, подобный консультативный орган может либо не иметь никаких полномочий, либо обладать ограниченными полномочиями, либо как-то иначе.

Например, при подготовке каких-либо соглашений, отражающих позицию

большинства, можно, по примеру Международной организации труда, вести работы среди заинтересованных правительств и способствовать ратификации ими этих соглашений. Далее, можно вести игру на завоевание и укрепление своего влияния в ряде специальных органов. И, наконец, эта ассамблея может постепенно начать выполнять некоторые функции, о которых говорили реформаторы пятидесятых годов, такие, как контроль за выполнением и гарантия обязательности соглашений. Но успех в этой области должен определяться не уровнем ее власти, но степенью влияния и соответствия общественному мнению.

Ни в коем случае не следует недооценивать значение всемирного форума. Он сыграет свою позитивную роль, даже если будет действовать поэтапно, с учетом национальных различий и ограничив свои задачи простым убеждением суверенных государств в важности претворения в жизнь отдельных приоритетных задач.

Можно ли представить себе, что го-

сударства признают целесообразной идею создания подобного органа? Можем ли мы создать глобальную структуру для формирования демократическим путем мирового общественного мнения, которая укрепила бы права наций на самостоятельное определение путей своего развития? Можем ли мы с другой стороны, рассчитывать на то, что демократические государства в условиях распространения по всему миру транснациональных корпораций смогут развиваться без такой глобальной структуры?

Движение сторонников мира выдвинуло очень мудрый лозунг «Мысли всемирно, действуй на своем месте». Не поможет ли создание всемирного демократического форума более надежному претворению этого лозунга в жизнь?

Вопрос о создании всемирной ассамблеи обсуждался в течение многих лет. В период всемирного кризиса этот вопрос опять кажется актуальным. Возможно, время кризиса стало и временем новых надежд.

Что мы потеряли и

Ранним утром из киосков исчезают свежие газеты, в скверах толпы спорящих не расходятся допоздна: страна разговаривает о своем прошлом и будущем.

Еще в прошлом веке паролем российской интеллигенции были вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». С неслыханным прежде нравственным пафосом ставя эти вопросы, интеллигент призывал и готовил крутой поворот в судьбе Российской империи. Наконец поворот свершился. Он оказался революцией, разрушившей империю и, вместе с ней, старую имперскую культуру. Гражданская война внесла дополнительный раскол в культурную среду, победителем из нее вышла новая революционная власть. Через десять лет после конца гражданской войны в стране разразилась социальная катастрофа — мы именуем ее «ста-

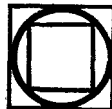
Людмила САРАСКИНА:

ВЕРНУТЬСЯ К МЕСТУ ОБРЫВА

Эта тема возникла из одного разговора в дальнем путешествии. Разговор был самый филологический, гуманитарный — о «серебряном веке» нашей литературы, о мощном развитии отечественного искусства, о крупнейших достижениях русской философской мысли, науки. И о тех совокупных причинах, по которым многие явления и направления культуры были пресечены, а ее деятели физически уничтожены. Сегодня мы хотим задуматься: можно ли только количественно определять наши утраты, вести лишь арифметические подсчеты? Мы хотим понять еще и качественные потери, то есть то, что непоправимо, необратимо — как каждая загубленная человеческая жизнь. Можно и нужно переиздать все неизданные, утаенные тексты, можно и нужно раскрыть все архивы, можно и нужно со-

ставить списки виновных и невиновных, можно и нужно восстанавливать истину. Но при всем нашем желании невозможно одним лишь волевым усилием воссоздать дух, атмосферу, способ воспроизводства того типа людей, которые создавали нетленные культурные ценности. Ибо, пытаясь определить, что из утраченного имело необратимые последствия, мы сталкиваемся прежде всего с таким понятием как преемственность культурного развития.

Что это значит? Я думаю, это очень широкое понятие. Преемственность культурного развития включает в себя самые разные сферы бытия — это и воспроизводство того или иного человеческого типа, и генерация особых качеств личности, и наличие специфических трудовых навыков, складывающихся в течение веков. Многие из этого се-



ЧЕГО МЫ ИЩЕМ?

линизмом», — ход и последствия которой растянулись на полвека.

Итоги происшедшего, уроки и выводы из него — духовная работа для наших современников. От отдельных важных, но частных вопросов экономической и политической реформы совсем близко до мировоззренческих, как их именуют — «проклятых вопросов»: что мы потеряли и чего ищем? Что делать? Кто виноват? Ни возрождение города и села, ни технологическая модернизация очевидно невозможны без возобновления культурных традиций. Об этом мы попросили высказаться литераторов Людмилу Сараскину и Алеся Адамовича, историков Леонида Баткина и Дмитрия Фурмана, социолога Вячеслава Игрунова и политолога Алексея Панкина.

годня утеряно. Я скажу и такую, может быть, весьма спорную вещь: в какой-то момент в развитии нашего общества «время свихнулось» — «прервалась дней связующая нить». Прежде всего я имею в виду историю. Если воспринимать историю не как изложение событий в их хронологической последовательности, а как некую целостность, как синхронное существование прошлого, настоящего и будущего, — то такое ощущение истории, ее переживание каждым человеком мне представляется утраченным. Человек потерял истинные, кровные связи с историей. Ведь естественное восприятие истории, ощущение своей личной включенности в нее должно непременно укореняться в прошлое, в родовые, семейные, национальные, социальные связи. Ощущение своих корней — это важнейший элемент нравственного самосознания человека. Если это ощущение у него есть, ему легче сориентироваться в настоящем, в тех подлинных ценностях, которые подсказаны нравственным чувством. Имея корни в прошлом, истин-

ные ценности в настоящем, человек может осмысленно глядеть в будущее.

Что же произошло у нас в стране? В течение десятилетий вся история отечества именовалась не иначе как «проклятое прошлое». Между настоящим и прошлым воздвигалась стена забвения, историческое наследие оставалось за чертой, за полосой отчуждения. Система социальных привилегий, при которой одни были выдвинутыми, а другие вынуждены были скрывать свое происхождение или ограничивались в гражданских правах, в значительной степени способствовала углублению пропасти между настоящим и прошлым. «Из бывших» — так презрительно называли людей дворянского, купеческого, поповского происхождения. «Кем вы были до семнадцатого года?» — такой вопрос порой решал судьбу человека. «Мы родом из Октября», — так любит выражать сегодня свои патристические чувства наша пресса. Мне трудно согласиться с тем, как расширительно и универсально используется этот лозунг. Стоит ли так бездумно от-

рекаться от родства к своей многовековой истории и культуре, так искусственно ограничивать свои корневые, родовые связи?

Отрыв человека от истории, от корней был особенно губителен при сталинском режиме. Тоталитарное правление, опиравшееся на гигантский аппарат насилия и террора, требовало от человека полного подчинения, рабологии, бездумной, фанатической веры в вождя-диктатора. Это правление посягнуло на то, на что не посягал до него ни один режим. Оно посягнуло на семью — семейные, кровные узы. Человека вынуждали предавать родных, отречься от них, человека наказывали за **недонесение** на своих близких. Был создан беспрецедентный в истории человечества геноцид для родственников репрессированных. И если задуматься о том, какими же хотел видеть Сталин «трудящиеся массы», на кого хотел бы опираться в своей политике, ответ напрашивается самый горький: ему нужны были не хозяева своей страны, не свободные и достойные личности, и в общем даже не винтики. «От Москвы до самых до окраин» ему нужны были люмпены — деклассированные люди, не имеющие никаких ценностей, ничего святого. Особенно **святого** — все святое подлежало уничтожению. Сталинский режим держался на страхе и разбедности людей, на войне всех против всех. Тотальный разрыв с отечественной историей, культурой и духовной традицией стоял во главе угла в идеологии и в политической практике режима. Преемственность культурного развития, целостное ощущение и переживание истории, — это то главное, что мы потеряли. Поэтому понятие «железный занавес», которым пользуются западные историки для характеристики контактов сталинского режима со всем остальным миром, прежде всего следовало бы применять к ситуации **внутри**: отказ от собственной истории, традиции, культуры вряд ли имеет убедительные аналогии. В результате семидесятилетней практики «отречения от старого мира» перед обществом встала поистине беспрецедентная задача: реконструировать правду истории за столетие, восстановить связь с культурной и духов-

ной традицией, обрести здравый смысл в оценке самих себя, найти общий язык с остальным миром в отношении к общечеловеческим ценностям. Огромная, мучительно сложная, многотрудная работа — ибо огромны, невосполнимы потери.

Чем дальше, тем болезненнее будут ощущаться эти потери. Молодежь, новые поколения, если они хотят состояться как смена, должны ощущать свою реальную укорененность, должны отсчитывать себя не от определенной даты в истории, а от всей истории в целом.

И люди ищут эти корни. Сейчас мало кто стесняется назвать и деда-купца, и бабу-столбовую дворянку, и тетку-монахию. Это нормально, это запоздалое выздоровление. Мы обязаны вспомнить, кто мы, откуда, кто наши предки, где на земле наше место.

Далее. Очень горько и прискорбно сознавать, что нескольким поколениям советских людей были навязаны ложные ценности. Они жили как бы в фальсифицированном «настоящем», выпадавшем из плана реальной истории. И каждый новый пласт «настоящего», отвергал только что минувшее. Так была отвергнута эпоха Сталина, затем эпоха Хрущева, затем эпоха Брежнева. Мы должны согласиться, что это очень суровый опыт для всех нас. И, конечно, дело не в самом стремлении во что бы то ни стало дискредитировать политических руководителей, как порою говорят, а в насущной потребности иметь духовные опоры в истории, несомненные, **нравственно полноценные** ориентиры. Ибо если говорить о подлинности пережитого именно в нравственном аспекте, то на первый план выйдет подлинность страдания народа, неисчислимые человеческие жертвы, невыносимая цена, заплаченная за все достижения и победы.

Но нельзя выпрыгнуть из поезда на ходу, а затем через много лет вскочить в тот же поезд и тот же вагон.

Если и в самом деле пришло время собирать камни, то первым делом стоит задуматься, что это за камни, где разбросаны, какие из них стертые в порошок, из чего нам строить наше будущее.

Однако я оптимист. И хотя преемственность культурного развития нами утрачена, культура такая упрямая вещь, такая упорная и настырная, что ты ее гонишь в дверь, а она влезает в окно. Обнадеживает живучесть человеческого духа, который сопротивляется лжи, лицемерию, демагогии. Обнадеживает естественное, органическое стремление

к правде и справедливости. Обнадеживает способность людей в экстремальных ситуациях проявлять лучшие человеческие качества, несмотря на громадные препятствия и материального и духовного порядка.

Это те парадоксы культуры, которые за нас.

Алесь АДАМОВИЧ:

ПРИБРЕСТИ ЧУВСТВО САМОСОХРАНЕНИЯ

Главное, что мы потеряли, — это чувство самосохранения. Хотя казалось, все в нашей недавней истории было направлено на сохранение, укрепление, бетонирование «завоеваний». На самом же деле мы это чувство утратили. Потому что потеряли чувство развития и способность к развитию, совершенствованию. Был умертвлен механизм, «ген» саморазвития. А если разлажен этот механизм, общество ждет деградация, с чем мы и столкнулись.

Что же произошло и как это случилось? Будто бы в целях сохранения, сбережения завоеваний социализма, а на самом деле — всего лишь личной власти, во имя этого на общественную жизнь, на все структуры и проявления человеческого общежития надет был, посажен тяжеленный панцирь административной, предельно бюрократизированной системы. Да, как бы во имя сохранения революционных завоеваний, защиты от внешних (и внутренних) покушений, а на самом деле — во имя собственности на власть больших и маленьких сталиных.

Истинных революционеров-мыслителей всегда заботила не только проблема завоевания власти, обретения власти, но и не менее важное и сложное: а что будет на второй день после захвата власти? Не растеряет ли революция свои принципы, идеалы, завоевания в борьбе за удержание власти? Не переродится ли в террористическую власть? Именно

из этого исходили Махатма Ганди и его сторонники, когда свою партию вооружали методами ненасильственной борьбы, а не бомбами. Их удерживало опасение: а удастся ли остановиться «на второй день»? Не станет ли насилие перманентным, самоцелью — и после победы, завоевания власти?

Что это не «идеалистическая блажь», продемонстрировала история нашей революции, результаты которой узурпировал теоретик и практик «усиления классовой борьбы по мере нашего победоносного продвижения вперед».

История подсунула нам злого гения власти ради власти — Сталина. В нем в переизбытке имелось все, что для этого необходимо. Или как раз не было чего-то такого, что любого способно остановить на меже, где все человеческое кончается. Любого, но не Сталина. Уничтожить собственную семью, родню — способен. Во имя личной власти отречься и предать смерти вчерашних друзей-соратников — поступал так на протяжении десятилетий. Уничтожить цвет революции, страны, армии — сделал, совершил. Войну объявить стомилионному крестьянству и вести ее до «победного конца» — и тут преуспел. Настолько преуспел, что запоздалые наши усилия по перестройке сельского хозяйства напоминают не переоборудование или возведение заново здания — как мы пишем, — а скорее возведение временок на огромном пожарище. Нового зда-

ния сельского хозяйства даже в про-
екте не выдать еще.

В свете этого наша перестройка — это попытка вернуть обществу, экономическим и социальным структурам способность к развитию, снять, сбросить тяжеленный сталинский колпак административно-приказной системы. Мы его только приподняли, тот мертвящий колпак, и вдруг — статья в «Советской России», ажиотаж вокруг нее, невероятная активность в центре и на местах. Прямо-таки взрыв активничания. Таковую бы — некоторым республиканским отдела ЦК, обкомам, райкомам и парт-организациям в делах по осуществлению законов о предпрятии или кооперации. Статья эта — и еще важнее, всплеск партийно-административного энтузиазма в связи с ней — что это как не попытка снова надеть бетонный колпак на нашу жизнь? Не все уже поместится под него: выросло, narosло многое, что не влезет туда. Ну, да обрубать, резать по живому выученики Сталина умеют. К этому и рвутся, когда поносят гласность (пользуясь, кстати, ею же), оплевывают демократию (под ее же прикрытием).

Надежная, гарантированная демократия — это когда я, ты, он готовы умереть за право говорить все, что думаешь. Но это еще не все. Ее обязательное условие — твоя готовность умереть и за право твоего оппонента с тобой не соглашаться, не с кем-то, а с тобой.

Одно смущает: оппоненты, те, кто прячутся (уже и не прячутся) за статью Н. Андреевой, они-то свое право не со-

глашаться используют, открыто об этом заявляют — чтобы снова всем зажать рот. Как в старые добрые времена. И, право, не знаешь, как примирить в себе сложные чувства. Особенно, когда сознаешь: возврат к прежнему — катастрофа. Не только для нашего общества, но, возможно, и для всего человечества. Выйти снова к человечеству с именем Сталина на устах? Не примет оно нас таких. И пожалуй, правильно делает. Это все равно, если бы вы на виду у всех прогуливались, обнявшись, с убийцей вашего отца, матери, детей. А ведь это убийца миллионов!

Какие уж тут договоренности о разрядке, а тем более — о практическом разоружении? Невозможно. А значит — катастрофа.

Да, утеря чувства самосохранения, механизма развития, совершенствования — главное и самое опасное, к чему привел сталинизм. Не видя, не осознавая, какой катастрофой грозит это, не обрести нам вновь этого чувства. И тут нужна смелость, решительность, а если необходимо, то и жесткость взгляда на наше прошлое, настоящее, будущее.

Да, именно потерей чувства самосохранения объясним тот безудержный рост бюрократического слоя, который наблюдался в годы застоя. Хотя вроде бы — во имя «укрепления управления». Но это, как с раковыми клетками. Безудержно, бесконтрольно растут, множатся, хотя как раз этим обрекают организм (а в конечном счете — и себя) на гибель.

Дмитрий ФУРМАН:

НЕ УПРОЩАТЬ СЕБЯ

Потери бывают разные. Бывают потери, которых не могло не быть, как потеря юности, как потеря родителей уже немолодым человеком. Печальтесь о них можно, но рвать на себе волосы и проклинать судьбу недело. И бывают потери, которых могло и не быть, которые произошли по случайному стечению обстоятельств, по злой воле, по нашей

глупости. Естественно, они вызывают совсем другие чувства. Вообще всякого рода потерь у нас бесчисленно много, но какие относятся к первой, и какие ко второй категории, сказать очень трудно, и очевидно, пока существует историческая наука и вообще социальное знание, это будет дискутироваться и пересматриваться вновь и вновь. Я здесь

могу высказать, естественно, лишь свое очень гипотетическое представление, от лично понимая его спорность. По моему представлению, потеря второй категории, которых могло бы и не быть, у нас не так уж много. Наша история была очень жестокой и страшной, но шансов на иной ее ход было очень мало.

Прежде всего, могли бы мы избежать потерь, связанных с революцией? Мне думается, нет. Можно сколько угодно жалеть о действительно поразительном расцвете культуры в начале века, но представить себе, что так могло бы идти и дальше, я не могу. Англия, имевшая парламент с незапамятных времен, могла на протяжении XIX века постепенно расширять доступ народа к избирательному праву. Но представить себе, что в XX веке европейская страна, правящим кругам которой только в 1905 году пришлось из-за революции полувести полуконституцию и в которой 70 процентов населения были неграмотны, будет развиваться эволюционным путем, невозможно. Поезд эволюционного развития для нее давно уже ушел. Такая страна была обречена на революционный взрыв неизмеримо большей силы, чем взрыв Французской революции, и задавленные 70 процентов, поднявшись, сметя старый режим, неизбежно должны были разрушить и утонченную, и прекрасную культуру элиты этого старого режима. Любая революция, любая резкая и внезапная демократизация общественной жизни неизбежно первоначально означает упадок культуры, но так как нигде не было столь решительного и быстрого подъема столь большой и темной массы, этот упадок у нас должен был быть особенно большим.

Пойдем дальше. Можно ли было избежать потерь, связанных со сталинским террором, коллективизацией и т. д.? Может быть, я сейчас снова расписываюсь в недостаток собственного социологического воображения, но мне думается, что шансы на сохранение нэпа и на постепенное расширение демократических институтов в 20-е — 30-е годы были очень малы, и, напротив, на то, что все пойдет приблизительно так, как оно и пошло, — очень велики.

По-моему, у нас сейчас слишком мало

говорят о социальных и культурных причинах сталинизма (хотя о самом сталинизме говорят очень много). Между тем ясно, что подъем колоссальной массы народа с совершенно средневековым сознанием, но с глубочайшей преданностью революционным лозунгам, должен был способствовать превращению революционной идеологии в карикатуру на средневековую религию, а революционной власти — в карикатуру на самодержавие. Источник сталинизма — это перебравшийся в город мужик, бывший красноармеец, выводящий на курсах ликвидации неграмотных свою первую фразу: «Да здравствует мировая революция!». Достаточно почитать А. Платонова, чтобы увидеть, как все гротески сталинской эпохи возникают из столкновения архаического народного сознания и революционной идеологии. Не для того эти люди умирали, чтобы был нэп с его нэпманами и кулаками, — они умирали за быстрое достижение рая на земле, прекрасного мира всеобщего счастья, и они искали человека, который мог бы указывать путь к этому миру, и тех тайных врагов, из-за которых этот рай почему-то все не наступает. Но когда есть такая потребность, всегда найдется и тот, кто эту потребность удовлетворит. Конечно, может быть это — иллюзия, возникающая из того, что в данной роли мы видели только одного актера (и особенность пьесы такова, что ее можно сыграть лишь один раз), но мне думается, что Сталин сыграл ее бесподобно, как не могли бы сыграть ни Троцкий, ни Бухарин, вообще никто из тех, кто мог примериваться на эту роль.

Мы слишком мало думаем об объективных культурных и социальных факторах, способствовавших сталинизму, и также мало — об объективных факторах, способствовавших последующей десталинизации. Впечатление, что в сознании многих наших публицистов откуда-то, как бог, вернее, черт из машины, выскакивает Сталин и затем так же откуда-то сваливается XX съезд партии и разоблачение культа личности. Между тем есть простые и общеизвестные факты, над которыми стоит задуматься. Эти факты — то, что Н. С. Хрущев был плоть от плоти сталинского аппарата и что большая, даже большая

часть этого аппарата его поддержала. Разоблачение культа личности возникло отнюдь не из-за давления каких-то мощных движений снизу. Когда-нибудь эволюция сталинского общества будет изучена. Сейчас мы знаем слишком мало, но ясно, что внутри этого общества вызревали силы, ведшие к его отрицанию. Исчезал — в силу прежде всего изменения социального состава общества, роста образования, переваривания городами нахлынувших в них крестьян — тот фанатизм, который был основной психологической почвой сталинизма. В созданном Сталиным колоссальном бюрократическом аппарате возникли новые тенденции. Многие аппаратчики мечтали, очевидно, о ситуации, когда можно будет перестать ежеминутно дрожать за свою жизнь, когда можно будет жить и работать в обстановке спокойной и стабильной. От субъективных факторов — победы именно Сталина и затем именно Хрущева — зависело, естественно, очень много. Но нельзя забывать, что и тот и другой — скорее актеры, которые могли по-разному исполнять свои роли. Но пьеса была написана не ими — пьесу создавал естественный, закономерный ход истории.

У Хрущева было два основных недостатка в исполнении роли. С одной стороны, он уж слишком был укоренен в сталинском прошлом. Он продолжал обещать скорый рай на земле и искал путей к его скорейшему достижению. Представители аппарата при нем могли не бояться за свою жизнь — после Берии никто не был расстрелян. Но покоя и стабильности не было. Сменявшиеся одна другую реформы держали всех в состоянии лихорадки. С другой стороны, он уж слишком порвал со сталинизмом. Очень мощные и влиятельные слои общества, отнюдь не желая восстановления сталинского террора, не хотели и «оплевывания» прошлого — в конце концов того прошлого, при котором они формировались и делали карьеры. Хрущев осуждается за «волюнтаризм», и начинается эпоха, которую потом стали называть эпохой застоя. Эта эпоха всем нам не нравится. Но для правильной ее оценки нам надо учитывать два ее аспекта.

Во-первых, в ней продолжалось дви-

жение в сторону от сталинизма. Если при Сталине представители аппарата дрожали за свою жизнь, при Хрущеве — дрожали за свои места в вихре хрущевского реформаторства, то теперь они совсем перестали дрожать. Распространилась небывалых размеров коррупция и произошел еще один важнейший социальный процесс — в громадных масштабах произошла передача статусов от отцов к детям. Сформировался слой, который при Сталине лишь зарождался — слой наследственной элиты, вернее — элит разных уровней, переплетенных родственными связями. Везде замелькали те же фамилии, но с иными инициалами. Процесс этот — малопривлекательный (для тех, кто сам к элитарным семьям не принадлежит). Но одновременно этот процесс создавал гарантию, что никакой сталинизм уже невозможен. Новая элита могла допускать страшные безобразия, но одного она не допустила бы никогда — появления диктатора, который заставил бы ее дрожать за жизнь. Равным образом, никакой почвы для возрождения фанатизма уже не было. Люди второго поколения элиты, с детства хорошо живущие, окончившие английские школы, разъезжающие по заграницам и имеющие доступ к западным книгам, кинофильмам и т. д. — могут быть кем угодно, но не фанатичными догматиками.

Во-вторых, как нельзя соединять все, что нам не нравится, в одну кучу и не видеть, что брежневская эпоха со своими негативными чертами была отрицанием сталинской эпохи с ее совсем другими негативными чертами, так нельзя видеть в брежневской эпохе лишь застой и коррупцию. Перестройка также не свалилась с неба, как вообще ничто с неба не сваливается. Ее идея и силы, ее осуществляющие, зародились в мрачные 70-е годы. И нельзя видеть в нашей бюрократии только застойную и коррупционную олигархию. Это очень сложный социальный слой, с разными тенденциями. «Мазать ее черной краской», одновременно приветствуя перестройку, — абсурд, ибо перестройку принесли с собой и осуществляют люди, прошедшие сквозь огонь, воду и медные трубы хрущевской и брежневской бюрократической иерархии (как «разоблаче-

ние культа личности» было осуществлено теми, кто прошел сквозь огонь, воду и медные трубы иерархии сталинской). Проблемы здесь очень сложные, и я высказываю лишь гипотезу, может быть, очень спорную.

Бюрократия не только срашивалась с торговым аппаратом и хапала деньги. Она срашивалась еще и с интеллигенцией, хапала ученые степени и давала образование своим детям. Я думаю, что в этом слое, который, особенно во втором поколении, становится все более образованным и недогматичным, формируется тип, не боящийся потери статуса в условиях демократизации и конкуренции. Этот тип уже не хочет быть «шавкой» при начальстве, у него зародились иные критерии оценки себя и других, иные критерии самоуважения. Он склонен определять свой статус скорее так, как его определяет интеллигенция — по признанию в своей профессиональной среде или публике в целом, а не по месту в иерархии, зависящему от воли начальства. И как становление это-

го типа, этого подслоя в слое, равно как и колоссальный рост интеллигенции, естественны и закономерны, так естественна и закономерна перестройка.

Мне думается, что если эволюция будет продолжаться, если сохранится преемственность идеологии и элиты, если мы избежим острого социального кризиса (избегнуть которого не так просто, ибо противоречий у нас накопилось очень много и при неблагоприятных обстоятельствах они могут внезапно вырваться наружу), возвращения в каком-либо новом виде сталинизма мы можем не страшиться.

Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев — не просто люди, это символы эпох нашего закономерного развития. От них зависело и зависит очень многое, но сама смена эпох — революции, культа личности, отказа от него, бюрократизации и олигархизации, перестройки и демократизации — закономерна. Поэтому так трудно сказать, что мы потеряли из того, что могли бы не потерять.

Алексей ПАНКИН:

СОЗНАТЬСЯ В РАЗНООБРАЗИИ

Мне хотелось бы сделать несколько комментариев к рассуждениям о том, что мы «оторвались от корней».

Хотим мы этого или не хотим, но все революции означали разрыв с прошлым, с корнями. Если бы старые системы могли примирить все противоречия внутри себя и обеспечить преемственность развития, то никаких революций и не было бы.

При этом «отрыв от корней» едва ли может быть тотальным. Скажем, христианство — это полный идеологический разрыв с язычеством, но посмотрите, сколько обрядов языческого происхождения в русском православии. Мне кажется, что и нам досталось от прошлого немало, может, даже больше, чем хотелось бы. Например, почти полное отсутствие прочных демократических

традиций, покорность народа, чрезмерный пиитет к государству (рецидив принципа «власть от Бога») и т. п.

Наконец, справедливо ли утверждать, что мы все потеряли и ничего не приобрели? Я сейчас не хочу говорить о хрестоматийных вещах, упомяну о том, что близко лично мне. Мой дед — первооткрыватель Московского метро и я горжусь этим. У меня, конечно, свой взгляд на то время, и все же я по своему завидую ему, слушая рассказы о том, как они шли на работу как на праздник, испытывали восхитительное чувство своей нужности стране, причастности к великому делу. Да и метро в Москве действительно прекрасное! Догадываюсь, что окажусь среди москвичей в меньшинстве, но для меня не существует улицы Остоженка, — есть

упраздненная Метростроевская. И я уверен, что чувство укорененности в советском прошлом есть у большинства людей, его не надо сбрасывать со счетов.

Говорят, ценности были ложными. Я, пожалуй, могу согласиться с этим. Но с точки зрения нас, сегодняшних, чуть ли не вся история выглядит как процесс смены ложных ценностей. Во имя странных фантазий строились египетские пирамиды. Иван Сусанин отдал жизнь за бездарного царя. А лет этак через сто кто-нибудь, обозревая идейные баталии нашего времени, скажет: «Надо же, нашли из-за чего шуметь и шебуршиться!»

И еще одно замечание: раз уж мы говорим о потерях, то в каждом случае надо все-таки определять, когда, что и по сравнению с чем мы теряли. Сейчас например, то и дело повторяют, что Советский Союз находится на 52 месте в мире по детской смертности. Это что — закономерный итог 70 лет? Деградация по сравнению с пресловутым 1913 годом? Вот некоторые цифры: в 1950 г. приходилось 80,7 умерших на 1000 детей, в 1971 г — 22,9, в 1980 — 27,3, в 1986 — 25,4.

Я хочу сказать, что 70 лет нашей истории не есть какой-то целостный период. У каждого из происходящих общественных процессов своя динамика: то шло поступательное движение, то деградация. И надо учиться не отсылаться общими словами, а видеть конкретно-исторические причины тех или иных явлений. Ведь без реального понимания того, что происходит в нашем обществе и перестройку рискуем загубить.

И это подводит меня вплотную к рассуждениям о том, что же мы хотим обрести в результате перестройки. Хотя я бы сформулировал вопрос по-иному что мы можем обрести? Ибо желать мы вольны чего угодно, а реальные возможности ограничены хотя бы тем, что и на этот раз нам не удастся оторваться от корней.

Бесспорно, Советскому Союзу нужна политическая реформа. И, на мой взгляд, ее первоочередной задачей должно быть встраивание в политическую систему механизма стабилизации

конфликтов. Проблемы так долго загонялись внутрь, что сейчас, при появлении первых признаков свободы, они неизбежно начнут вырваться наружу и, я думаю, нам необходимо быть готовыми к целой полосе конфликтов и кризисов. Пока же у меня такое ощущение, что уже имевшие место кризисы эпохи перестройки, будь то Чернобыль, «дело Ельцина» или события в Нагорном Карабахе заставляли общество и политическое руководство врасплох и приводили к повторению одних и тех же ошибок.

Почему так происходит? В значительной степени потому, что мы продолжаем гипнотизировать себя заявлениями в том, что мы все по одну сторону баррикад. Отличным примером такого рода мифа является ситуация в писательской среде (а литературная жизнь всегда была чутким барометром общественных процессов). Повернется ли у кого-нибудь язык сказать, что Петр Проскурин и Андрей Вознесенский, Александр Проханов и Алесь Адамович находятся по одну сторону баррикад? А ведь инженеры человеческих душ преспокойно состоят в единой писательской организации и, громя позиции друг друга, завершают свои выступления на различных форумах призывами к единству.

Или зададимся таким вопросом (оставив его, от греха подальше, без ответа): можем ли мы, положа руку на сердце, утверждать, что у нас в стране все еще однопартийная система, по крайней мере в идейном плане?

Сегодня в обществе, в его политических и социальных институтах наметились очень сложные и причудливые линии размежевания. Это естественно и нормально. Ненормально лишь то, что мы боимся признать это. Убежден, что открытое и честное размежевание куда полезнее для стабильности и здоровья общества, чем искусственное объединение. Можно по крайней мере надеяться, что закулисные маневры и склоки изменятся честной идейной борьбой, позиции будут формулироваться яснее. Да и диалог, вероятно, будет вести проще.

Мне кажется, что в механизм стабилизации конфликтов должно входить и

расширение гласности. А для этого необходимо использовать еще один ее резерв: не мешать журналистам сообщать о том, о чем они считают нужным. Пока такой ситуации нет. Скажем, на протяжении первых недель после начала событий в Нагорном Карабахе большинство газет проявляло дружное нелюбопытство к тому, что же собственно там происходит, печатая всякую чушь. Ясно, что тут была установка сверху. И все, чего удалось добиться (как и в некоторых предыдущих случаях), это то, что информационный вакуум был заполнен дикими слухами, началось смятение умов, и люди, забросившие было свои коротковолновые приемники, вновь обратились к «головам», тем более, что к ним сейчас беспрепятственный доступ. Уж не говоря о том, что первоначальный характер освещения (или затемнения) ситуации, насколько можно судить по последующим публикациям, явно оскорбил и армян, и азербайджанцев и стал дополнительным фактором обострения ситуации. Сейчас зреет конфликт между Венгрией и Румынией, союзными нам странами. Наша перестройка встречает неоднозначное отношение ряда социа-

листических стран. В прессе об этом — молчок. Чего ждем?

Словом, пока пресса не может не подчиниться приказу сверху, она будет продолжать замалчивать острые ситуации и действовать вопреки своей природе как средства «раннего оповещения» о проблемах, пока они не достигли точки кипения, а также инструмента достоверного выявления параметров ситуации, мнений, взглядов. Уж не говоря о том, что пресса — это посредник при нормальном диалоге между общественными силами.

Короче говоря, мне кажется, что открытое размежевание и последовательное расширение гласности — это важная часть механизма стабилизации кризисов. Это, среди прочего, и возможность гарантировать права меньшинства. А меньшинство, не чувствуящее себя безгласным, реже тяготеет к экстремизму. И чтобы ввести эту часть механизма в действие, не нужны сложные дорогостоящие реформы, не нужно ничего придумывать. Нужно лишь признать уже сложившиеся реальности.

Леонид БАТКИН:

СТАТЬ ЕВРОПОЙ

Не могу согласиться с теми, кто сомневается в праве толковать о состоянии некоего обобщенно-условного и потому словно бы призрачного МЫ. Ведь за ним, напоминают нам, весьма неоднородное общество, в котором разные люди, группы людей, разумеется, по-разному расценивают **наши** (?) социально-исторические потери, а то и вовсе их не признают, не замечают... и ищут тоже разного. Более того: пора признать существование также и унаследованных от сталинского режима антагонизмов, стягивающихся к сфере власти и подчинения, исходясь из этой сферы во все остальные сферы общественной жизни.

И все же МЫ — вполне реальная всеобщность, поверх и вопреки отсутствию общего во взглядах и интересах. Всеобщность вырастает из совместной исторической судьбы и может быть осознана в виде высшего национального интереса. Дело в том, что характер и уровень советской цивилизации прекрасно поддаются в XX веке объективному сопоставлению и измерению по единой шкале всемирной истории.

Ибо всемирность истории — не исконное и неизменное, а в свой черед исторически складывающееся и меняющееся ее качество. Известно, что только начиная с европейского Нового времени, — в меру разрыва с традиционализ-

мом и распространения европейского «бродила» по белу свету — только с XVI—XIX веков история становится всемирной в преображенном и полном смысле этого понятия Полантой, однако, отмечены именно вектор и смысл, а не наличная всемирность. Ныне человечество находится где-то в середине или, скорее, все еще в начале неимоверно трудного и решающего процесса глобализации. Но всемирность как новое качество истории продвигается с ускорением, и давно уже бессмысленны рассуждения такого, например, типа что бы там ни происходило в иных краях земли, непохожих на наш край, куда бы ни двигался мир в целом, нам-то незачем сравнивать себя с прочими народами, ибо живем мы своеобразно и желаем судить о своей жизни по своим же, только для нас свойственным (и, само собой, «высшим») критериям... Опровергнуть также и претензии на то, чтобы обосновать национальное мессианство и превосходство при помощи характерного выверта: мол, «наше русское» (или «наше немецкое», или «наше испанское» и т. д.) как раз тем и особенное, что отзывчивей всех прочих на иное, всечеловечней, ближе к всеобщности. Всемирность, де, мы признаем, но в том и дело, что у нас она уже в крови.

Что за ребячество! Как необдуманно повторы этого логического выверта Достоевского (или Вагнера, или Маэсту) в конце XX века. Всемирность не в крови, не в корнях, не в прошлом, разве что в сравнительно недавнем прошлом европеизма. Более она в настоящем и еще более в будущем. Это отличие Новой Европы — и вслед за тем всех европ, а ведь Европа всюду, где модернизируется экономика, политика, все жизненные отношения и возникает принципиально открытая, сознательно спорящая внутри себя, актуально не совпадающая с собой культура.

По превосходному замечанию Генриха Манна: «Для нашей культуры — да и для каждой — нация, нас породившая, является тем исходным пунктом и предлогом, который необходим нам, чтобы стать полноценными европейцами. Не имея места рождения, не-

льзя сделаться гражданином мира» («Мой брат», 1945 г. Курсив мой.— Л. Б.) Скажу попутно, что только такое понимание значимости национального и языкового начала — как конкретного «предлога» и способа для его же самообращения в неповторимо-этот космополитизм — только такое понимание культурно и плодотворно. Всякое же иное, пусть и по сей день владеющее несравненно большим числом умов, пусть и благонамеренное — провинциально, до-всемирно и опасно, потому что беременно сильными атавистическими страстями и... идеологией. А та предвещает насилие, как духота — грозу.

Когда-то и «западники», и «славянофилы» были достойными оппонентами и яркими людьми; никому не возбраняется любить и тех, и других; нельзя не видеть их тогдашние резоны, как и слабости; оба лагеря неотъемлемы от истории русской культуры. Но невозможно не признать, что споры в России были поразительно схожи со спорами во множестве других стран, застигнутых излившейся из Западной Европы всемирностью: от Испании до Турции и от Латинской Америки до Японии. Как ересь немислима вне догмы, так возражения против вестернизации уже суть принадлежность ее ранних этапов и возможны лишь в европейски образованные головах. И, несмотря на нынешнюю превзойденность идейных столкновений времен Чаадаева, Хомякова, Герцена, Достоевского, — все же в России (как и всюду, всюду!) в целом и в главном правы оказались «западники».

Пора бы спокойно и определенно констатировать это, не боясь обвинений и односторонности.

Ошиблись все те, кто смотрел на Запад и европеизм, как на нечто, хоть и дорогое, и даже святое, но отживающее, искренне пророча великую будущность иным, неевропейским, «варварски-свежим» началам. Напротив, «европоцентризм» (ни малейшей исторической содержательности до Нового времени, разумеется, не имевший и не существовавший) изживал и изжил себя лишь в том смысле, что стал распространяться повсеместно — и перерос в полицентризм. От всякого динамичного общест-

ва повеяло Европой. В конце концов и старой Европе пришлось получить кое-какие уроки, так сказать, метаевропеизма из других концов света.

Самый элементарный из этих уроков: ход мировых дел выявил обреченность любого изоляционизма и ущербность любой изоляционистской ориентации. Нарастающая всемирность указала меру всякой своеобразности, отныне с необходимостью вписанной в универсальный контекст — собственно, и делающий ее действительно своеобразной, хотя и своеобразность непременно так или иначе окрашивает, с другой стороны, этот контекст в неповторимые азиатские, латино-американские, африканские «почвенные» тона. Неустрашимые мировые различия обретают существенность и ценность (или вредоносность) уже не просто по отношению друг к другу, но по отношению к мировому единству. То есть различия тем исторически перспективней, чем больше они выявляют и углубляют это единство, выступая как именно его жизнеразность, как богатство его вариантов и возможностей — **внутри** социальной и культурной всемирности. Иначе говоря, местные своеобразия суть переключения, перефокусировки всемирности (в противном случае они — пороги, преграждающие ее течение). А она — как было показано еще в «Коммунистическом манифесте» — «западного» происхождения. Даже сам спор «Запада» и «Востока» становится возможным, обретает смысл только на европейской почве.

И мы — тоже Запад или, напротив, социально-исторический Восток в той мере, в какой нам удалось или до сих пор не удалось изжить то, что Ленин любил называть российской «азиатчиной» и «татарщиной». «Запад» в конце XX века — не географическое понятие и даже не понятие капитализма (хотя **генетически**, разумеется, связано с ним). Это **всеобщее определение** того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого бессмысленно существование любого истинно-современного, освобожденного от докапиталистической архаики общества. Даже самые принципиальные различия между **развитыми** стра-

нами **надстраиваются** над таким, еще более глубинным уровнем, затрагивающим все инфраструктуру. Это — вынесенное за скобки условие, при осуществлении которого только и позволительно заговаривать о капитализме или о социализме.

В 70-е годы мы слышали о так называемом «реальном социализме». Это формула, не лишенная административного изящества: ничего прямо не признавая, она давала понять, что выкладки Маркса и Ленина — одно, а на деле — нечто другое, и выходило, что «социализмом» мы обязаны считать и называть попросту то, что **получилось**. Можно, конечно, продолжать думать над тем, как сделать, чтобы в «реальном социализме» было «больше социализма», и что это теоретически и конкретно-исторически могло бы значить. (Что до «реального», то хоть с этим, слава богу, проще; реальность всегда при нас). Но невозможно возражать, что для этого во всяком случае надо стать во всех отношениях современной страной. Не уступающей никакому Западу, ни европейскому, ни американскому, ни японскому.

Ленин, как и всякий марксист и социал-демократ, считал это даже слишком «бесспорным положением», и его возражения Н. Суханову, мы помним, касались лишь оправданного, с его точки зрения, «видоизменения обычного исторического порядка». Отчего бы, спрашивал Ленин, **сначала** не взять власть, а потом уже, опираясь на «рабоче-крестьянскую власть и советский строй», «двинутся догонять другие народы», то есть выработать у себя (и притом, как надеялся Ленин, гораздо быстрее, чем при рутинном развитии событий) ту же «европейскую» цивилизованность. Но уж то, что «догонять другие народы» означает в отечественных условиях **абсолютное условие** социализма — было азбукой **всех** социал-демократов, большевиков ли, меньшевиков ли... И с 1921 года, когда разреались лихорадочные видения «военного коммунизма», Ленин считал нужным делать ставку на кооперативный социализм, на «культурничество», вызывая к новой жизни идеи классического социал-демократизма (если угодно, мень-

шевистские идеи) и ничуть не скрывая этого, полагая, что теперь это идеи вполне большевистские. Ядро их (подоплека нэпа) именно в приобщении России к европейскому уровню цивилизованности и культуры.

Трагическая трудность состояла, однако, в следующем: что, собственно, означали столь желанные «предпосылки цивилизованности» и «европейский» уровень культуры? Ленин задавался вопросом, на уровень **какой именно** европейской страны нужно выйти, поскольку и в Европе эти уровни были различны. Однако насколько системным и психологически укорененным, насколько исторически органичным должен быть подразумеваемый при этом уклад жизни, ее сквозное качество?

Результатом культурной революции могла бы явиться известная техническая, агрономическая, языковая и даже политическая грамотность на некоем среднем европейском уровне. В тогдашних условиях нищеты, грязи и разрухи это было ослепительной мечтой и показалось гарантией остального. Однако остальное — это не «ликбез» и даже не трактора и не электричество, а способность социально-культурных структур к самодвижению и самоотрицанию, к открытости, к **непрерывной** естественно-исторической перестройке. Не только постепенное усвоение, применение некоторых готовых результатов западной цивилизации, но выработка **собственной независимой способности добывать такие результаты** — подлинная модернизация, а не то, что Шпенглер называл «псевдоморфозом», мы же могли бы вообразить в виде транзистора и телевизора там, где нет ни телефона, ни демократии, ни простейших удобств.

Были ли после Октября в отсталой стране предпосылки для того, чтобы приступить к решению и этой **сверхзадачи системного и корневого социально-культурного обновления**? Я думаю — были. Страна тогда располагала сотнями тысяч «спецов» вполне европейского замеса. В начале XX века Россия сумела в итоге двухсотлетнего ускорения не только явить миру нескольких гигантов духа, но — что труднее достижимо — и создать отборную художественную, гуманитарную, университет-

скую, техническую, научную среду. Эта обильная среда стала, наконец, внесловной и всенациональной, она втягивала в себя всех, кто готов был служить культуре и родине. Для нашего «серебряного века» — как и для всякой подвинутой культуры европейского типа — характерны многостильность, демократическая пестрота, колоссальное разнообразие существовавших одновременно и полемизировавших вкусов, школ, духовных позиций. Москва и Петербург превратились в действительно европейские столицы, достойно участвуя в общем движении. Все это после революции отчасти попало на зарубежную почву и обогатило ее замечательной интеллигентской эмиграцией, главным же образом дало новые энтузиастические и дерзновенные всходы на отечественной почве, подарив миру культурный феномен наших «двадцатых годов» во многих областях мысли и воображения.

Настоящая интеллигенция, вот что у нас было.

У нас была культурная закваска. И хотя на многих нижних этажах своего существования Россия еще не была современной страной, стоя, по известному выражению Ленина, «на границе стран цивилизованных и... стран внеевропейских», — мы, конечно, могли бы сделать следующий гигантский шаг к основательной и сплошной цивилизованности, на основе политического и экономического освобождения от «азиатчины».

Этого не произошло. С середины 20-х годов и — совсем фатально — в 30-е годы мы начисто отказались от этого вектора. Произошло нечто катастрофическое, с точки зрения и осуществления социалистического проекта, и укрепления мировой цивилизации. Сталинская индустриализация на основе закрепощения крестьянства, массовых репрессий, принудительного труда, государственного гнета, использования инерции революционного воодушевления и иллюзий — это, хотя и очень быстрая, как и при всех подобных режимах, но зато однобокая и поверхностная модернизация. Она не только не означала создания социально-психологических, политических, инфраструктурных и, наконец, утонченно-культурных

заделов для перманентной модернизации в будущем — напротив, сталинизм словно бы выкорчевывал саму возможность таких заделов. Сталинская квази-модернизация была неотделима от курса на изоляционизм, ксенофобию и особенно от подозрительности и ненависти ко всему «западному» — пока это не стало ругательством и погибельным политическим ярлыком, превратившись после 1947 года в фантастические кампании избиения «космополитов», против «низкопоклонства перед Западом».

Последнее не было, как обычно думают, всего лишь фиговым листком антисемитизма. Этот жупол точно выражал и нечто более общее — национально-имперский изоляционизм. «Индустриализация» и «коллективизация» взамен эпа и культурной революции — это политика снятия пенек с мировой цивилизации, прежде всего военно-промышленных пенек, за счет резкого снижения жизненного уровня населения и уничтожения традиций российской интеллигенции вместе с нею самой.

Поэтому эффективная модернизация по-сталински не менее эффективно создала своего рода тромб на пути развития цивилизационных динамических возможностей страны. Поэтому великая насадная победа над нацизмом не принесла ни свободы, ни процветания и спустя сорок лет. Ведь тот поистине ошеломляющий шаг вперед, который был наглядно ознаменован поездками вождя и писателей по Беломорканалу, построенному заключенными — все эти мощно форсированные темпы возведения заводов и плотин — означали одновременно десять шагов назад в отношении способности социальной системы к гибкой переналадке, к самоперестройке. Научно-техническая революция оказалась для сталинской системы принципиально чуждой и непосильной задачей. Специфическая индустриализация по-сталински и по-бериевски была тупиковым вариантом модернизации. В нем не была заложена **постиндустриальная** стадия, когда главной производительной силой становятся не домы и шахты, даже не сами по себе лаборатории, а культурные, то есть совершен-

но раскованные мозги всяких там умниц и фантазеров. Когда экономика напрямую зависит от индивидуальной свободы.

Мы оторвались от мировой истории и стали страной, неслыханный провинциализм которой лишь недолго мог возмещаться ее пространствами, ее недрами, ее послушными человеческими ресурсами, короче, всем тем, что давало до поры до времени основания для хозяйственной, политической, идеологической автаркии. Эти основания оказались истощенными — все же XX век! — на протяжении краткого исторического мига, в течение жизни одного послевоенного поколения. А когда они были истощены, выяснилось, что мы не просто отсталая страна. Беда, в конце концов, не в этом. Например, Япония тоже сто с лишним лет тому назад была совершенно отсталой страной, закрытой страной. Но она открыла себя для мира и мир для себя. Она импортировала мировую историю, и пересадила ее в японскую землю, и, благодаря краху имперского милитаризма, взрастила местную разновидность всемирности.

В 1985 году началась драматичнейшая попытка развязывания проблемы, стоящей не в нашей отсталости, а в том, что мы лишены рычагов и способов преодоления отсталости. Мы выпали из мировой истории — в той самой мере, в какой произошло «закрытие СССР».

Вот что мы потеряли и вот что мы должны найти во что бы то ни стало. Мы должны — разумеется, на собственный лад, сообразуясь со своими историческими особенностями и идеалами — вернуться на столбовую дорогу современной цивилизации. Если мы отыщем свой отечественный способ быть органически (хотя, конечно, не безболезненно) саморазвивающимся обществом, в котором особенно дорожат инициативой и оригинальностью отдельного человека, — тогда мы обретем и все остальное. Тогда мы получим право посреди работы перевести на миг дыхание и, разогнувшись, сказать: «А все-таки перестройка победила».

Вячеслав ИГРУНОВ:

НЕОБХОДИМ «АВТОСТОП»

Приступив к перестройке, потому что всем очевидна невозможность существовать по-старому, мы поначалу не задали себе самых главных — мировоззренческих вопросов. Поразительно, до чего эмпиричны наши высказывания об экономических, правовых или нравственных проблемах, до какой степени обособленно мы пытаемся их решать. Совершенно очевидно, что нас беспокоит не только экономическое состояние общества. Но не лежат ли в основе всех тех разнообразных деформаций, которые нас угнетают, одни и те же пороки нашего мироощущения?

Революции, сотрясая общественный организм, ведут к обновлению через каскад катаклизмов, не только открывая новые пути, но и беспощадно разрушая. Погибает и то, что безнадежно устарело, и то, что нелепо попало под колесо истории или оказалось отрезанным от магистрали развития. Чаще всего в руинах оказываются наиболее тонкие творения социального гения, ибо, наиболее совершенные, они тысячами нитей связаны со старым режимом, для своего существования нуждаясь в стабильности и взаимной адаптации социальных структур. Когда социум расплывается, такие структуры лишаются опор и рушатся, погребая под обломками бесчисленные жертвы.

Итогом революций являются установления простые, лишенные тонкости, но зато способные функционировать без взаимного согласия. Проходят годы и, уворачиваясь от лязгающих шестеренок, социальные архитекторы воздвигают ажурные конструкции, которые скругляют углы и зубья, гасят скрежет ведущего механизма. Но чем радикальнее совершенный переворот, чем привычней люди взрают на жертвы, тем медленней совершенствуется социальная структура и тем длительней страдания «нового мира».

Индивидуализм, пожалуй, одна из самых опуганных утрат последних десятилетий. Без развития индивидуализ-

ма нам невозможно будет восстанавливать ценности, исчезнувшие из массового сознания (либо никогда там не присутствовавшие), но необходимые для цивилизованного общества.

Однако, задавая себе вопрос, почему же развитие индивидуализма в России было прервано — кстати, правление Николая I можно считать некой репетицией этого процесса, — следует его сопоставить с нашим нетерпением, с нашим стремлением чуть ли не любой ценой ускорить исторический процесс. А ведь наше историческое прошлое как раз и предостерегает нас от такой поспешности.

Да, европеизм желателен для нас. Европеизм — это индивидуалистическая культура, и без развития индивидуализма он невозможен. Но в Европе индивидуализм развивался в течение многих столетий внутри сформировавшегося гражданского общества и рождавшегося национального сознания. Европеизм индивидуализмом не исчерпывается, индивидуализм легко процветает на почве большинства культур. Индивидуализм сам по себе опасен, и практически все культуры нашли способы ограничения индивидуализма. Европеизм отличается от других культур именно тем, что ограничил индивидуализм не подавлением его, не подчинением, а напротив, развил его в рамках ужившихся с ним явлений и институтов.

В Россию же достижения европейской цивилизации заносились вместе с индивидуализмом, вырванным из его органической среды. Гражданского общества в России не только не было, но и всякие его ростки время от времени беспощадно вытаптывались. Поэтому индивидуализм развивался у нас, скорее, не в европейских формах, а в формах русского удельного сознания. Например, у Пушкина.

Пока существовал культурный слой, которому было доступно полноценное образование, которому была доступна

европейская жизнь в ее целостности, проникновение и развитие европеизма все же было неизбежно. Но как только тот слой был уничтожен, индивидуализм у нас стал возможен только как всепроникающий эгоизм. Его антисоциальность и разлагающая сила в неевропейских формах грандиозны и устрашающи. Деревня эпохи революции или коллективизации явили нам жуткий пример этого.

И здесь перед нами два аспекта этой проблемы. Если европеизм в Европе развивался медленно, в большей или меньшей степени пронизывая все слои общества и все стороны жизни, то стремительное развитие европеизма в России могло захватить лишь очень тонкий слой — сначала дворянство, причем, далеко не все, а затем верхушку средних классов, создав разночинцев. Возникло расщепление культуры, при котором собственная элита была более чужда народу, чем скажем, французские дворяне в средних веках — завоеванному ими английскому королевству. Причем европеизм нес угрозу не только традиционному быту, но и традиционному государству, поскольку не мог не культивировать самостоятельность и гражданское самосознание. В лице русской интеллигенции европеизм оказался одновременно чуждым народной массе и враждебным государственной иерархии.

Как известно, это противостояние привело к революции. Но кто бы ни готовил революцию и что бы ни говорили ее деятели, реальный процесс может быть описан как реакция традиционного народного сознания на чуждое европейское влияние. Чем это закончилось, чего это нам стоило — нет нужды напоминать.

Революция сегодня — не лозунг, брошенный с высокой трибуны, — это констатация реальности. Многие произносят это слово с гордостью, иные с восторгом борца, но я вслушиваюсь в него с трепетом. И хотя нам пока не грозит социальный обвал, уже угадываются зоны тектонических разломов.

Например, все мы заинтересованы в эффективной экономике. Это императив времени. Но тот путь, по которому сегодня идет совершенствование нашей экономической системы, означает прежде всего интенсификацию человеческой вовлеченности. Ощущается тяга — и я думаю, вполне понятная тяга — к повторению опыта стран, обогнавших нас по уровню потребления и экономической эффективности. Но можем ли мы без глубокого переосмысления перенимать даже положительный их опыт? Не следует ли, пока не поздно, подумать о возможностях и предпосылках гуманизации экономической жизни?

Вот вопрос, который сейчас задают староверы в попытке противостоять неизбежным переменам. Но этот же вопрос должен задавать себе каждый, кто обеспокоен духовной эрозией мира. Может показаться парадоксальным, но, провозглашая примат общества над личностью, общественного над индивидуальным, мы привели страну к такому состоянию, когда наиболее разъединенным в общественном сознании оказалось чувство социального, и даже национально-го единства! Разорванные общественные связи, распад гражданских чувств, атомизация общества, в котором не только «моя хата с краю», но и «своя рубашка ближе к телу». Разрушительному действию индивидуализма легче всего сказаться в экономике и в области социальных отношений. И стремительное развитие индивидуализма может обернуться катастрофой, пострашней катастрофы 20—30-х годов. Ведь тогда еще были живы многие табу традиционного религиозного сознания. Сегодня все табу сняты. Нравственные ценности девальвированы и падение будет происходить без тормозов.

Поэтому, призывая к развитию европеизма, следует делать упор на развитие гражданского самосознания, гражданского общества, которые сами с неизбежностью приведут к нашему вращению в лоно европейской цивилизации.

РЕЧЬ И НАСИЛИЕ

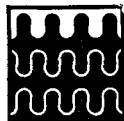
Гибель Российской империи в 1917 году привела к появлению ряда небольших независимых национальных государств (Польша, Финляндия) и попытке построить новое государство на принципах федерации равноправных народов. Русская государственность должна была уступить государственности классового, или наднационального типа; от этой первой попытки по сей день остаются некоторые узлы, плохо встроенные в систему. Если стратегия Ленина состояла в том, чтобы на развалинах империи построить **федерацию народов**, национальное развитие которых должно было вырваться из оков государственности, то стратегия Сталина и его окружения состояла в том, чтобы в исторически короткий срок создать **государство**, в котором русскому народу пришлось бы отдать все для ассимиляции инородцев, — монструозное имперское образование с идеологией национального государства-карлика. В ходе реализации этой стратегии на протяжении жизни трех поколений сократился список населяющих страну народов (так, тальши, мингрелы растворились соответственно в азербайджанцах и грузинах); предпринимались попытки истребления народов методом депортации в места, где им, в лучшем случае, грозила ассимиляция в более крупных этносах.

Нынешнее состояние межнациональных отношений в СССР должно быть признано в целом предкризисным, а для некоторых регионов (Закавказье) и прямо критическим. Среди русского населения страны растет недовольство «неблагодарными» инородцами, «зажравшимися» на своих плодородных южных землях (если речь идет о южанах), или не желающими делиться своими более высокими экономическими и националь-

но-культурными достижениями (если речь идет о прибалтийских республиках). Среди самих инородцев растет недовольство «старшим братом» — русскими, навязывающими им свои стратегические цели (хлопок, уничтожающий сады, — узбекам, целину вместо скотоводства — казахам, химические производства — армянам, атомные станции — украинцам и т. п. традиционные для массового сознания мотивы) и пользующимся статусом народа первого ранга, олицетворяя весь Союз, который не случайно назван **союзом республик**, а не **союзом народов**.

Коренным вопросом для массового сознания остается вопрос о тождестве Советской власти и власти русских, тождестве, которое одним представляется законным и традиционно оправданным (например, «оптимальным опытом решения военно-стратегических задач»: «Октябрь», 1988, № 5, с. 172), а другим кажется неприемлемым, нуждающимся в пересмотре. Даже официальное осуждение национализма и шовинизма предполагает двойную шкалу: русский национализм осуждается лишь на стадии шовинизма, или выражения национального превосходства над другими народами; инородческий национализм осуждается уже на стадии отставания своей культурной самобытности или законных прав (именно такова была реакция на требование крымских татар разрешить им вернуться на родину).

Одним из показателей динамики кризисного развития представляется языковое состояние общества, сложившееся за последние пять-шесть десятилетий и обладающее большими разрушительными возможностями. Языковая ситуация в стране в настоящий момент и на ближайшую перспективу может



быть охарактеризована как **полуязычие**.

Органическое полуязычие как следствие «двоемыслия» выражается в девальвации «верхних» этажей языка, ответственных за «хранение» фундаментальных ценностей, и значительном подъеме сквернословия, в особенности мата как речевой «смазки», обеспечивающей ускоренную деградацию больших сообществ носителей языка. Функциональное полуязычие официально квалифицируется как «двуязычие». При этом русский язык, выступая в качестве языка-посредника, обслуживает сферы идеологии, политики, «большой» литературы и культуры, а заодно и «низкие» области речевого поведения, тогда как родной язык местного населения обслуживает среднюю, бытовую сферу. На водоразделе — языковая нейтральная полоса, которую не может обслужить ни тот, ни другой языки «двуязычного человека».

Распаду речевого облика носителей русского языка способствует и исполняемая им роль языка-посредника в многонациональной стране. Наряду с существованием довольно большой двуязычной прослойки, оказывающей некоторое влияние на развитие обоих языков, нельзя упустить из виду и, по-видимому, ничуть не меньшую полуязычную прослойку — людей, не владеющих в пределах общепринятых для грамотного человека норм ни языком своего народа, ни русским. Особенно остра проблема для наиболее подвижной части этой прослойки — юношей, отслуживших в армии и оставлющих родные места или готовых вернуться домой с навсегда сложившимся образом русского слова.

Невозможность для полуязычного передать словесными средствами то, что более всего тревожит, радует или пугает, годами накапливает в нем взрывоопасный груз умственно не обрабатываемых переживаний: чем они болезненней и монотонней, тем более необходимым делается для них соответствующее словесное выражение. Так надобно больше жевать сухую и грубую пищу. Но слов нет, или слова не те. Полуязычный, в сущности, отторгнут от человеческого

сообщества. Его поведение непредсказуемо, он и сам не может предупредить о надвигающемся взрыве. Когда таких полуязычных, почти всегда отмеченных неизбывной аффектацией, много и они к тому же собраны вместе, любой, даже самый незаметный, в принципе разрешаемый только словами, конфликт порождает грубое насилие. Полуязычие, таким образом, это не лингвистическая только, но этносоциальная болезнь толпы XX века.

Таково, по нашему мнению, одно из объяснений феномена сумгаитской резни.

К середине 30-х годов тюрко- и ирано-язычные народы СССР были переведены с латиницы и арабского письма на кириллицу (которую тогда называли русским алфавитом). Переход на кириллицу был вызван необходимостью отделить эти народы от их народов-единоверцев и соседей — как тех, кто пережилвал начало «исламского Возрождения» (Иран, арабский мир), так и тех, кто — подобно СССР — вступал на путь секуляризации государственной жизни (суннитская Турция под руководством младотурецкого триумвирата и особенно Ататюрка).

В случае Азербайджана переход на кириллицу резко противопоставил носителей языка их соседям — грузинам, армянам, сохранившим традиционную систему письменности. Со временем это, на первый взгляд незначительное, вмешательство в лингво-культурную сферу постепенно привело к падению престижа родного языка в «русской рубашке» и русского языка как языка-посредника. В то же время возрастал престиж арабского и персидского языков, как традиционных языков ислама и исламской культуры. Проходя вдоль рядов Ленинградского рынка г. Москвы летом 1988 года, автор обратил внимание на там и сям расставленные перед лотками с фруктами из Средней Азии картонные ярыжки с арабскими письменами. Можно с уверенностью сказать, что ни один из посетителей рынка (и мало кто из продавцов) мог прочитать, что же написано — «урюк», «инжир», «курага», —

не взглянув прежде на содержимое лотка. Арабская надпись — знак если и не новой ситуации, то, во всяком случае, только что оформившегося процесса.

Стратегическое значение для любой национальной культуры имеют речевые предпочтения, сложившиеся у носителей языка. Если для армян или грузин родной язык занимает безусловно первое место в любом предлагаемом списке языков, то у носителей большинства других языков народов СССР картина может оказаться иной. В обстановке развивающегося полужизния, падение авторитетности русского языка прямо сказывается и на деградации родного языка в литературном воплощении.

Одновременно возрастает ценность устного творчества на родном языке и повышается внимание к стадиально более древним воплощениям национальной традиции: у мусульманских народов это интерес к исламской и доисламской истории своего народа. Ориентация на **фантомные ценности** (метафо-

ра — от фантомной, ампутированной конечности в физиологии) стимулирует попытки представить язык «старшего брата» как образование вторичное по отношению к «Востоку» в целом. Местные низы и работники «искусств, наук и ремесел» отводят русскому языку роль посредника при пересечении политического языка («языка власти») и сквернословия. Родной язык, лишенный для его носителей исторического прошлого и духовных ценностей (для мусульман — исламской цивилизации), будет цениться тем выше, чем более ему будут возвращаться эти ценности. При этом его значение и самостоятельность будут преувеличиваться, а иноязычными соседями он будет восприниматься все более враждебно, особенно, если для их языков («младших», «третьих» и т. п.) не созданы условия максимального благоприятствования (азербайджанский в Армении, армянский в Азербайджане, грузинский в Армении и т. п.).

В ходе инстинктивного или осознан-

Три родных языка

Спасибо за публикацию интервью с «русским эстонцем» Е. Голиковым «К региональному самосознанию» (в статье Г. Павловского, № 10/87).

Мне особенно близка мысль о трилингвизме, о необходимости государственной программы обучения «триязычью» (английскому языку, как общемировому, русскому, как общегосударственному, и местному, родному языку). Такая программа есть наилучшее средство воспитания полноценных людей, умеющих сочетать любовь и уважение к разным культурам, самая прочная основа воспитания миролюбия и взаимопонимания в будущих поколениях, которым надо жить в мире без войн.

Официальная программа триязычья признается и в нашей стране, но на практике она весьма далека от осуществления. Мало того, в жизни проявляется удручающая тенденция к ее стихийному свертыванию.

Оторванность преподавания английского языка от изучения англоязычной культуры и от общения с англоязычной средой приводит к его формализации и крайне низкому уровню. Еще страшнее фактическое господство русского языка, вытесняющего из жизни остальные, даже вопреки специальным мерам для их поддержания.

Прямым нарушением национально-равноправия является освобождение русских детей от изучения третьего языка. Русским детям, с одной стороны, дается поблажка, как преподавателям «главенствующей нации», а с другой — их принципиально делают на треть невежественней остальных советских народов. Если такая привитая ограниченность соединяется со столичным самолюбием и великорусской спесью, возникает опасный источник напряженности в межнациональных и международных

ного преодоления функционального двуязычия, официально признаваемого «двуязычием», уже намечилось значительное упрощение обоих языков, которое можно назвать «обогащением» только в том смысле, в каком этот термин применяют в металлургии: стремясь очистить язык от «чужих» примесей, его обрекают на все более заметное вырождение. Провозвестниками процесса обощения языка — как для двуязычных носителей одного языка, так и для полуязычных из двуязычных, — стали писатели, высказывающие как изоляционистские (В. Белов, В. Распутин), так и интернационалистские (Ч. Айтматов) взгляды, в которых нет ничего ни конструктивного, ни даже утопически конструктивного. Трудно не разделить гнева представителей великого народа на тех, кто десятилетиями вытаскивал из русской культуры Владимира Соловьева, ссылаясь подслушать вместо него матрешек. Унижающая всякую культуру «фольклоризация» становится,

к несчастью, одним из оснований для ложного, в целом, вывода о презумпции благотворного и продуктивного взаимодействия русской и революционной культуры и российского самодержавного строя: самообман это тоже разновидность культурного полуязычия.

Поляризация «национального нигилизма» и национализма лишает подлинно двуязычную (точнее — многоязычную) прослойку реального влияния на массовое сознание. С точки зрения националистов, историческое прошлое языка безусловно предпочтительнее его нынешнего состояния, хотя будущее русского языка мыслится, парадоксально, светлым и радостным. Моноязычные носители русского языка, в подавляющем большинстве случаев, видят главные угрозы приходящими извне, либо возникающими по вине «предательски» русифицированных инородцев. Массовое сознание практически не регистрирует внутренних источников распада языка, культуры и экономики.

ПОЧТА

отношениях, угроза миру.

Мне представляется необходимым следующее.

— Считать обязательным изучение трех языков (мирового, союзного и родного, на котором ведется обучение) для всех советских учащихся, без какого-либо национального исключения. Русские дети, проживающие в национальных республиках, областях и округах, должны не только изучать язык коренной национальности, но и, по возможности, учиться на нем. Соотношение русских и национальных школ должно меняться в пользу последних.

— Русским, проживающим в областях пограничных с национальными республиками или другими странами, следует изучать язык своих соседей.

— В остальных случаях в качестве третьего языка для русских детей может избираться любой из республиканских. (На мой взгляд, предпочтительно — из тюркской группы, для возможности общения с 1/7 частью советских людей исламской

культуры в русской культуре замалчиваемой и принимаемой.)

— В больших городах любой области проживают люди разных национальностей, там должны быть национальные школы. Например, в Москве, по желанию родителей, могут действовать татарские, еврейские (с обучением ивриту) и другие школы.

Изучение языка в отрыве от истории и бытия самого народа бесполезно. Поэтому при изучении трех языков следует в таком же трехчастном ключе вести преподавание литературы, истории, философии и религии — культуры в целом, что приучит растущего человека видеть общество с разных точек зрения, как бы стереоскопически. И, конечно, такое обучение должно подкрепляться частым общением с людьми изучаемых культур, поездками в иноязычные республики и в другие страны.

Л. ТКАЧЕНКО,
г. Москва.

Общая картина языкового соседства такова, что носители языков во всех регионах страны отмечают нарастание конфликтности языкового сосуществования. Интенсивность распространения полуязычия такова, что для разрешения всяких межнациональных конфликтов оно будет подстрекать к насильственным методам. Антисемитизм в условиях общей межнациональной напряженности может быть использован как традиционный элемент идеологии национального геноцида крупных этнических групп против малых народов, с непредсказуемыми последствиями для судеб страны.

Примером такого сценария можно считать антиармянскую политику в Карабахском вопросе. Ближайшие последствия этой политики — взрыв национализма в Азербайджане, рост антиармянских и антиазербайджанских настроений среди русских и вообще «северян», а в будущем — усиление феодального изоляционизма как в Азербайджане, так и в других республиках Закавказья. Что мешает центральным органам управления избавиться от узкопрагматического, бессистемного и, в целом, бесперспективного подхода к решению межнациональных проблем? Еврейский и армянский вопросы ставятся не в первый раз, и их решение возможно лишь в увязывании с общей для страны проблемой национального насилия, которую можно определить и шире как проблему **структурного насилия**.

Русский вопрос стоит в центре этой проблемы. Рассмотрим его в преломлении инородческого массового сознания, с учетом того языкового обстоятельства, что русское население СССР в большинстве случаев отдает языкам других народов страны 4-5-е места в 4-5 местной шкале ценностей, испытывая в целом глубокое отчуждение от инородцев как в европейской части, так и в республиках, где большинство населения составляют нерусские.

Двузначность государственного устройства, созданного по сталинскому рецепту, проявляется в пропаганде «многорационального единства» на фоне подавляющего превосходства русских в высших эшелонах власти, армии, науки.

Вырождение и физическое уничтожение интеллигенции и прогрессивного ду-

ховенства во времена массовых репрессий и опустошительных войн привели к господству в широких кругах русского общества представлений о «сокращении российского жизненного пространства», о засилье инородцев, вредительстве иностранцев, заговоре жидо-масонов и т. п. В свою очередь среди народов Средней Азии и мусульман Закавказья эти же процессы стимулировали распространение неофициального («варваризованного», «фанатизированного») ислама.

Охваченными массовым психозом оказываются и работники умственного труда в России, шумно обсуждающие свой статус «русской интеллигенции» ибо они всерьез полагают, что происхождение и род занятий — достаточное основание для такой квалификации. Эта интеллигенция навязывает русским национальное самосознание малого народа, окруженного морем нерусских — «чурок», «чучмеков», «чучкей». Для нее характерен антибольшевизм, сталинизм и критика Ленина за попытку разрушить государство, построенное на национальном насилии. За идею равенства, идею Федерации народов, а не союза автономных бангустанов, созданных Сталиным и его наследниками.

Массовое сознание не в состоянии критически осмыслить данный круг вопросов, и они либо некритически принимаются как руководство к действию, либо некритически отвергаются. Происходит поляризация фундаментальных национальных ценностей с перспективой роста центробежных тенденций. Самое уродливое детище массового сознания может развернуться в реальности стремительно и непоправимо, как в Сумгаите. Поэтому первыми шагами в решении национального вопроса должны быть не административные меры, но превентивная массовая кампания по всем информационным каналам, включающая в себя:

а) публичное признание Правительством СССР остроты национальных проблем и необходимости глубокой перестройки межнациональных отношений,

б) вытекающее из этого снятие табу на обсуждение национальных вопросов, с обязательной равноправной публикацией полярных и компромиссных точек зрения по всему кругу проблем. Не сле-

дует бояться появления в печати взаимных претензий: справедливое решение возможно только при гласном обсуждении действий сторон;

в) объявление всенародного конкурса стипендиатов Совета национальностей (не из числа номенклатурных лиц!) для поездки в многонациональные страны мира, от Швейцарии и Югославии до Австралии и Канады, сроком на 1—3 месяца с целью изучения богатого чужого опыта и гласного отчета об этих поездках;

г) выпуск на языках народов СССР специальных номеров газеты «Известия», посвященных, среди прочего, законным, подзаконным и незаконным актам в области национальных отношений,

д) пропаганда национальных культурных центров, ассоциаций и всех форм просветительной деятельности всех народов без изъятия,

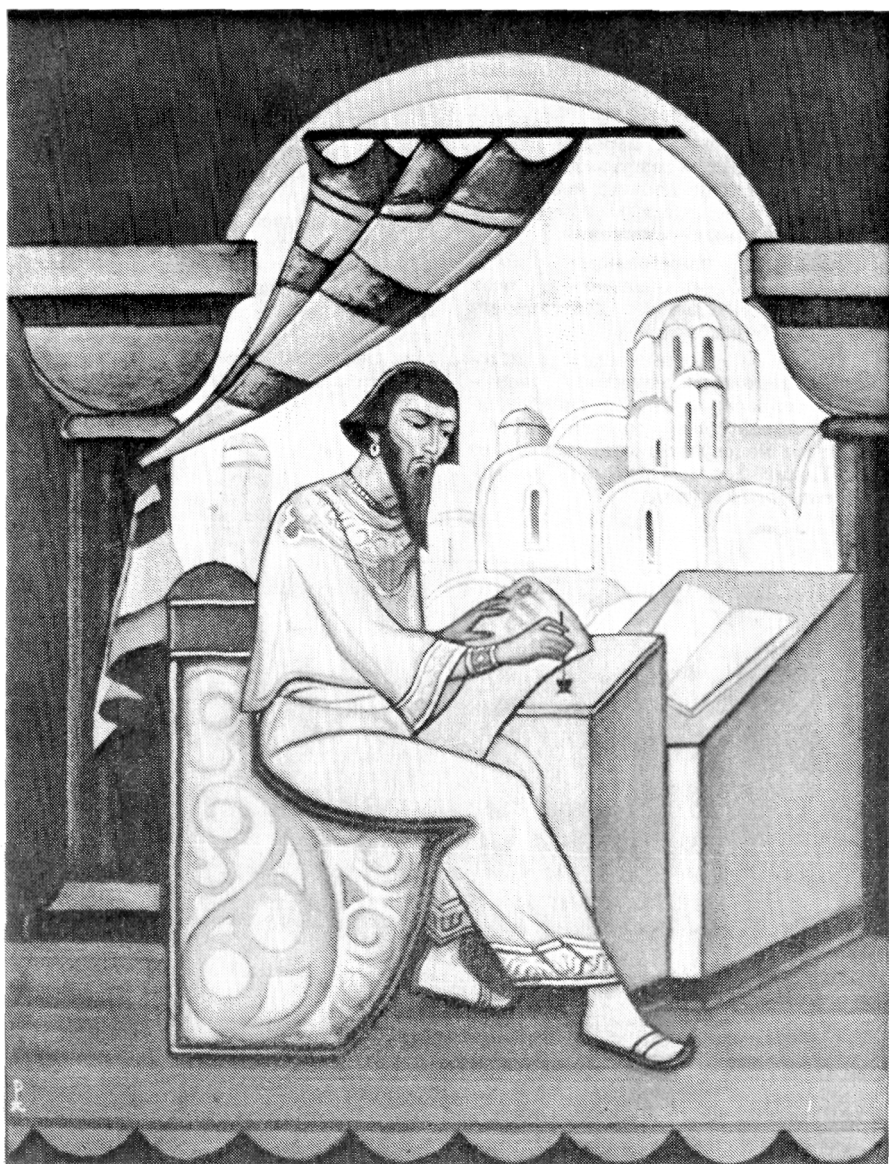
е) создание социологического и исторического центра по изучению национального вопроса; в начале своей деятельности такой центр должен был бы подчиняться непосредственно одному из членов Политбюро и выпускать ежемес- сячный открытый журнал.

Административные же меры, как это ни странно в эпоху перестройки, должны быть направлены на **расширение** аппарата, ведающего межнациональными отношениями, (в частности, создание национальных отделов в крупных ведомствах) а также разработку законодательства о преобразовании СССР в **правовое федеративное государство**. Без срочного, превентивного и ненасильственного вмешательства в сферу стереотипов массового сознания (уже перерастающих в психозы), — вмешательства, осуществляемого лишь через слово, — перечисленные и другие острейшие проблемы национальных отношений наталкиваются на незнание, некомпетентность местных властей и растерянность центральных ведомств, не привыкших обходиться без применения силы.

Честное признание общих трудностей и мирное их преодоление на сугубо правовой основе — вот достойный и все еще реальный путь к избавлению великой страны от структурного насилия.

Г. ГУСЕЙНОВ,
кандидат
филологических
наук.

ОТКРОВЕННОЕ





СЛОВО

Владимир МИКУШЕВИЧ,
поэт, переводчик.

Тысячелетие крещения Руси — это смысловое единство, которое значит больше, чем простая сумма трех слов, составляющих его. К слову «Русь» в нашем сознании сразу присоединяется эпитет «Святая», неотделимый от крещения, но и включающий в себя при этом идею исторической правоты. Историческая правота Руси в свою очередь налагает свой отпечаток на понятие «тысячелетие», которое перестает быть юбилейной календарной датой, предполагая предшествующие и последующие тысячелетия, то есть историю в целом. Такая символическая многозначность никому не позволяет игнорировать эту дату, знаменательную в древнем исконном смысле: не так-то просто пройти мимо тысячелетия, особенно когда оно возвещает другие знаменательные тысячелетия.

Однако, если принимать эту дату как однозначное, позитивно историческое число, трудно оспорить его проблематичность. Христианство существовало на Руси задолго до официальной даты крещения; с другой стороны, и после этой даты на Руси наблюдаются обычаи, неточно именуемые языческими. «Языцы» в славяно-русском словоупотреблении означают другие народы; следовательно, язычество — религия, чуждая по преимуществу, и неправомерно говорить о язычестве своего народа, даже если речь идет о нехристианских или дохристианских верованиях. Так как «паганизм», более точное слово латинского происхождения, приобрело уничижительный оттенок, предпочтительнее говорить о славяно-русском пантеизме, обожествляющем природу во всех ее стихийных проявлениях; и такой пантеизм, действительно, никогда не исчезал на русской почве, обнаруживая удивительную способность уживаться с православием и даже совпадать с ним.

Способность эта коренится в неисчерпаемости русского слова. Ярким примером такой способности становится образ Ивана Купалы, в котором нераздельно и неслиянно сосуществуют строгий аскет Иоанн Креститель и веселый бог плодородия, северный Дионис Ярила. В слове «Купала» язык соединил несоединимое: глаголы «купать» (в значении «крестить») и «совокуплять» в таинстве небесного и земного Эроса.

Отсюда русская широта души, достигающая до метафизических глубин Достоевского и Блока. Здесь же пролетает осязаемое различие между византийским и русским православием, вынуждавшее русских говорить о византийском двоедушии. Византийской культуре не удалось совместить несоместимое, и в греческом слове «логос», при всех его толкованиях в духе откровения, прочитывался культ элитарного тайного знания, предназначенного лишь для избранных, тогда как откровенная широта стиха «в начале бы Слово» делало славянское Евангелие истинным подлинником православия.

Крещению Руси предшествовала своеобразная и достаточно сложная культура восточных славян. Характерно, что уже в десятом веке, то есть до крещения Руси, скандинавы называли восточно-славянские земли Гардарик («Царство городов»). Культура восточных славян уже тогда была по преимуществу городской, что само по себе свидетельствует о высоком ее развитии. Тем не менее, это была культура отдельных, во многом разобщенных славянских племен. Политическая прозорливость и государственная мудрость князя Владимира проявилась также и в том, что среди других мировых религий он выбрал для своего народа именно православие. Православие соответствовало своеобразно формирующейся русской культуре, оно закрепило и углубило ее исконные черты. Вследствие крещения разрозненные славянские племена осознали себя как единый рус-

Николай Рерих. «Летописец».

ский народ. Вместе с православием на русскую землю пришла славянская письменность, связанная с именами Кирилла и Мефодия. М. В. Ломоносов придавал решающее значение тому обстоятельству, что православие проповедывалось на языке, понятном народу в отличие от латыни, которая делала книжную культуру достоянием сравнительно узкого круга образованных людей.

Литургическая православная традиция активизировала в языке восточных славян общеславянское начало, и потому русский язык определяется христианством, как никакой другой европейский язык. Христианство сформировало в русском языке такие слова, как «милосердие», «добродетель», «благоразумие», что повлекло за собой не столько лингвистические, сколько этические последствия. Интересно, что в двадцатом веке старославянский элемент в русском языке не только не ослаб, но усилился. Борис Пастернак с полным основанием говорит о литургических параллелях в творчестве Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Гуманистическая проблематика и символика христианства доказывают свою жизнеспособность в творчестве Михаила Булгакова и самого Б. Пастернака. Из этого явствует, что крещение Руси открыло новые творческие перспективы перед народом и личностью.

В «Божественной комедии», в двадцать четвертой песни «Рая» апостол Петр спрашивает Данте, на каком основании тот верит христианским обетованиям, и Данте отвечает на это в том смысле, что если бы мир обратился в христианство без чудес, о которых повествуют Евангелия, одно это было бы чудом, стократно превосходящим евангельские чудеса и вполне достаточным для обращения в христианство остального человечества. Внимание историков всегда привлекала быстрота, с которой христианство распространялось по тогдашнему миру, не располагавшему ничем, подобным нынешним средствам массовой информации. Очевидно, притягательная сила христианства заключалась не в хитросплетениях софистической аргументации, а в неких новых перспективах, открываемых че-

ловеческой личности не только на уровне культуры, но и на уровне житейской повседневности.

О самом Иисусе Христе сказано, что Его слово обладало властью, отличаясь этим от выпященного красноречия книжников и фарисеев. Христианство впервые в истории дало возможность человеку высказаться, выходя из проповеди исповедь, дела немыслимым одно без другого. Христианство преодолело герметическую замкнутость эзотерических древних учений, основанных на тайне и авторитете, по выражению Достоевского, рассчитанных на узкий круг посвященных, которым нет дела до остального человечества. Пафос высказывания преобразил духовную жизнь последующих эпох, породив новейший роман и новейшую лирику, но, главное, он вовлек человека в историю, сплачивая проповедующих и исповедующихся в настоящем общении.

Это позволило Петру Чаадаеву утверждать, что в христианстве есть чисто историческая сторона. В правоте подобного утверждения убеждает нас, прежде всего, «Слово о полку Игореве», написанное в конце XII века. Академик Дмитрий Лихачев с полным основанием говорит, что «вся поэма пропитана христианским духом». Более того, справедливо было бы признать «Слово о полку Игореве» величайшим памятником крещению Руси, так как в поэме с предельным напряжением сказалась «чистая историческая сторона» христианства.

В первом же стихе поэмы спор автора с вещим Бояном приобретает вероисповедную, а отнюдь не только литературно-художественную направленность. Не вызывает никаких сомнений восхищение автора искусством своего великого предшественника. Образный строй поэмы тоже согласуется с поэтикой Бояна, растекавшегося мыслию по древу. Однако резкая, отчетливая черта разграничивает поэтику Бояна и поэтику «Слова». Автор начинает свою песнь по былинам сего времени, то есть по былям, по событиям современности, как сказали бы мы. А Боян «помянет бо рече пьрвыхъ времяъ усобиць». Замышление Бояново и первых времен усобицы сливались в героическом эпосе или в хвалебной песне высокого стиля,

мастером которого должен был быть Боян. Живые сгруды под вещими перстами Бояна «сами князем славу роко-таху». По-видимому, для Бояна существовали только богоравные герои, и ничего, кроме воинских подвигов, не считал он достойным своих вещей струн.

В «Слове» мы встречаем стих, едва ли возможный в героических песнопениях Бояна: «Ту Игорь князь высъедъ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощиево; уныша бо градомъ забралы, а веселие по-ниче». Эта скорбная нота нова для героической древности; она предвосхищает более позднюю русскую поэзию, Лермонтова и даже Некрасова. Величие князя Игоря не умаляется кощевым, невольничьим седлом, ибо пострадать за правду — тоже подвиг, но потребовалось приобщение к животворящему кресту, чтобы этот подвиг оценить.

В христианском Символе Веры есть одна существеннейшая подробность. Сын человеческий распят за нас (при Понтийстем Пилате). Так Его подвиг вписывается в историю. В «Слове о полку Игореве» функцию, аналогичную имени Пилата, несут имена полководцев ханов Кончака и Гзака. Историческая правда «Слова» — это не историческая информация. Подвиг князя Игоря — сошествие во ад. Крещение Руси научило воспевать подвиг самопожертвования, особенно впечатляющий в причастности к единому соборному телу Руси: «тяжко ти головы кромь плечю; зло ти тѣлу кромь головы — Руской земли безъ Игоря». Отсюда конечное торжество воссоединения: «Страны ради, гради веселы». Троиединство этих «ра» выстраивает ключевое слово «Рай».

Крещение Руси довершило синтез культур, образовавших единую культуру христианского Востока. Понятие это нуждается в научном уточнении, однако реальность этого единства ощущалась всегда. Культура христианского Востока охватывала обширнейшую область от коптского Египта на юге до древнерусского Новгорода на севере. Влияние Византии в этом синтезе было значительным, но не единственным. Христианский Восток обнаружил поразительную способность сочетать различнейшие культуры при полном сохранении их самобытности. Латинская традиция на Западе

оказалась куда более авторитарной и нетерпимой к становлению отдельных народных культур.

Чрезвычайного развития на христианском Востоке сразу же достигает искусство перевода. Благодаря переводческому мастерству сирийский поэт Ефрем входит в русскую культуру под именем Ефрем Сириянин. Само это наименование красноречиво. «Сириянин» означает на древнерусском языке «сириец», в то же время Сирия — это певчая райская птица. Стихи Ефрема Сириянина живы в русской литературе по сей день. Их переложил А. С. Пушкин.

Русь принимала христианство в ту эпоху, когда раскол между Православной и Католической Церковью наметился, но не оформился окончательно. Христиане Древней Руси глубоко ощущали славяноязычный творческий универсализм своей веры. Тогда завязались духовные узы, без которых и в наши дни немислима мировая культура. Сербия, Болгария и Древняя Русь располагали, по существу, единой литературной традицией. Духовные контакты между христианской Русью, Грузией и Арменией во многом предопределили историческое будущее народов.

Знаменательно, что духовный универсализм христианского Востока засвидетельствован книгой великого армянского поэта Григора Нарекаци. Вместе с тысячелетием крещения Руси мы празднуем тысячелетие его Книги. Это одно и то же тысячелетие, один и тот же праздник. Русский читатель приходит к «Нареку» (так называют книгу армяне, в оригинале она названа «Трагедией») через «Слово о полку Игореве». Тема исторического времени роднит эти произведения, сближающиеся именно в своем неотразимом своеобразии. Музыка эпохи звучит в каждом из них по-своему.

В «Слове о полку Игореве» читаем: «Уже бо, братие, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла». Григор Нарекаци в «Слове о написании книги сей» пишет: «Когда завершился круг и бег времен». Оба эти стиха восходят к стиху из четвертой эклоги Вергилия: «Круг последний настал...» Эклогой Вергилия преддверено первое тысячелетие христианской эры. Вергилий

предрекает некий космический поворот, очередное возвращение золотого века. Автор «Слова о полку Игореве», напротив, говорит о невеселой године, когда «веселие пониче», однако сам повтор слов «веселый», «веселие» увенчивается земным раем.

Григор воспевает мир на земле, способствующий поэтическому творчеству. Он тщательно датирует свою «Книгу скорбных песнопений» первым тысячелетием после Рождества Христова,

придает ей поистине вселенские измерения, и когда он посвящает ее «разным странам, всем христианам до одного», вряд ли можно опровергнуть предположение, что поэт имеет в виду и крещение Руси. Трагическая ситуация человека в Книге Григора разительно напоминает ситуацию князя Игоря: из золотого седла Божьего наследника человек пересаживается в седло невольничье, принимает искаженный рабский облик. Но в главе восемнадцатой, которую

Вечный посох

Мне хочется написать в защиту Слова. Просить реабилитировать его после несправедливого осуждения. Хотя оно в чьей-либо помощи не нуждается. Наоборот: это нам сегодня не достаёт полноты и глубины его содержания. Выступая против Слова, искажая смысл его — выхолащивали и мертвили себя, терпели поражение за поражением сами. И это хочется осознать.

Слово Бог попало в серьезную «трепку» в борьбе между религией и атеизмом, борьбе, которая в истории человечества велась на всех его уровнях, вплоть до физического истребления. Мы и сегодня так ввинчены в борьбу религии и атеизма, что нам трудно выйти за границы ее. И, тем не менее, стоит постараться найти общую опору, подняться над энергией спора и расширить свой кругозор. Истина — посередине, гласит нестареющая мудрость. Где есть противоположности, там есть и гармонизирующий их центр. Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево? — спросим вслед за Карлом Марксом словами его.

Общечеловеческая культура сквозь всю историю пронесла слово Бог. Писалось оно с большой буквы. Религии менялись, тактика и накал борьбы между разными идейными течениями — тоже, а слово Бог не-

изменно сопровождало человечество, независимо от того, какая точка зрения на его содержание преобладала. Какая поистине удивительная и достойная внимания жизненная сила у этого слова, прошедшая его через все испытания во всех пластах культуры до наших дней. Истинно живое слово! Мертворожденное, формально-сконструированное способно жить, пока занимает лишь своего создателя. Сколько их, таких модных, кружимых вихрем сиюминутных потребностей и выметаемых из нашего языка, подобно осенним опавшим листьям с дороги! И совсем другое дело: трехзвучное слово Бог, лучом пронизывающее всю стихию жизни и закристаллизовавшееся во множестве значительных проявлений культуры.

Культура, этот специфический способ организации и развития человеческой жизни, определивший ее отличие от биологических форм, способствует очеловечиванию человека, совершенствованию его. В этой ее функции огромна роль идеала. Есть замечательная мысль у М. Горького: «Когда природа лишила человека его способности ходить на четвереньках, она дала ему в виде посоха — идеал! И с той поры он бессознательно, инстинктивно стремится к лучшему — все выше!» Стремление к идеалу заложено в природе человека. Без него он был бы духовно мертв и его

в Армении считают целительной для больных, указан спасительный путь для страдающего пленника.

Христианский Запад в своем изобразительном искусстве от Джотто до Тициана и Рембрандта запечатлел человечность Бога, Григор Нарекаци, верный исконной армянской традиции, воспел божественность человека, торжествующего даже в своем падении. И в поэме Григора, и в «Слове о полку Игореве» страдающего человека спасает

женщина: у Григора это Дева Мария, в «Слове о полку Игореве» это Ярославна. «Игорь едет по Боричеву къ святѣй богородици Пирогощей», которая как бы синтезирует оба женских образа, одухотворяя Григоров стих. Каждая глава его Книги называется «Слово из глубины души». «Слово о полку Игореве» — тоже Слово, не больше, не меньше. Историческая правда в обеих поэмах совпадает со Словом.

ПОЧТА

жизнь была бы подобна функционированию животного. Слово Бог в разные периоды культуры всегда несло содержание этого идеала, этого посоха, опираясь на который человек и человечество стремились к совершенству.

Можно высмеять этот посох, можно постараться выбить его из чьих-то рук, можно отбросить, почувствовав иную силу, можно попробовать заменить его другим, но от этого он не перестанет быть той опорой, с помощью которой человечество дошло до определенного уровня развития. И есть какая-то неистинность и лживость в стремлении лишиться его смысла совершенно, стереть и забыть — так как это невозможно, оно вошло в плоть и кровь очеловечивания.

Какое же содержание, исторически включавшееся в это слово, показывает нам общечеловеческая культура? Это — понимание истины, блага, любви, радости, творчества, созидания. Это, наконец, представление о самом совершенном человеке. Это видение гармонии и совершенства мироздания, выразившее диалектику его триединством Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа, триединством Истины, Добра и Красоты.

Бог — этим словом обозначался для каждого периода исторического времени мощнейший посох, точнейший ориентир, надежнейшая опора устремленного к совершенствованию человечества. В него, как реки в океан, люди несли свои лучшие меч-

ты и чаяния и сами наполнялись этой океанической силой. Можно заменить одну форму слова другой. Но в какую еще форму можно вложить это содержание, тысячелетиями оформлявшее именно ее, трехзвучное как один вдох, слово Бог с большой буквы?

Произнося сегодня Слово, мы автоматически моментально начинаем размышлять о мировоззренческой ориентации и нашей позиции и дальше этого, как правило, не идем. Не слишком ли узкая и поверхностная реакция? Может, стоит выделить это слово из накала религиозно-атеистических страстей? Научиться произносить и писать его как общечеловеческую ценность, без оглядки на то, кто и как может судить. От этого наша социалистическая культура, стремящаяся опираться на лучшие мировые достижения и развивать их, только выиграла бы.

А с ней и все мы.

Время поставило нас в условия новой реальности, требующей духовного возрождения. Разве может быть полноценной перестройка всех сфер без гармонизирующего ее самого высокого и тем не менее реального идеала, наполненного жизненным содержанием? Без сердца, определяющего единый сбалансированный ритм жизни и работы всего организма?

Надежда ЛАВРЕНЮК,
кандидат философских наук,
г. Брест.

Первое тысячелетие нашей эры было предопределено Словом, второе тысячелетие было Словом засвидетельствовано; теперь, празднуя тысячелетие крещения Руси в эпоху, когда кривотолки

и недомолвки грозят физическим уничтожением роду человеческому, мы празднуем тысячелетие Откровенного Слова, подтверждая его спасительность.

ПОДПИСКА — КРУГЛЫЙ ГОД

До первого числа предподписного месяца

Вы можете подписаться на

«Век XX и мир»

Подписку принимают без ограничений

повсеместно на любой срок


агентства «Союзпечати»

почтамты и отделения связи.

Наш индекс — 70188

Бюллетень «Век XX и мир» № 8 (на русском языке), ежемесячный.
Напечатано в СССР. Ордена Трудового Красного Знамени типография
«Известий Советов народных депутатов СССР». Москва. Заказ 2157.





БЮЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XX^e SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

